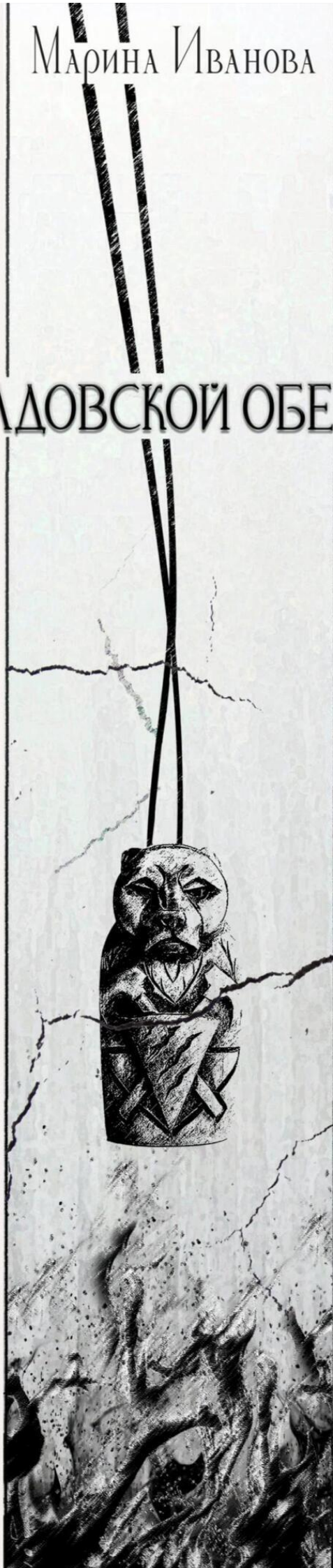

МАРИНА ИВАНОВА

КОЛДОВСКОЙ ОБЕРЕГ

Марина Иванова
Колдовской оберег

«Автор»

2023

Иванова М.

Колдовской оберег / М. Иванова — «Автор», 2023

Вторая история серии. Что, если оберег, созданный для защиты, сделан неумелым мастером, и отныне жизнь владельца тесно связана с силой дарованного ему предмета? В этом случае потеря оберега всегда означает смерть. Вот уже почти полтора века оберег на двенадцатилетие вручается матерью старшей дочери, и до сей поры страшная сила зачарованного предмета не проявляла себя. Но владелица оберега мертва, сам оберег похищен, а дочке владелицы вот-вот двенадцать лет исполнится. Одновременно с пропажей оберега происходит ещё одно событие. При странных обстоятельствах похищен двухлетний сын Риты и Антона - Макар. Родственники вынуждены самостоятельно заниматься поисками ребёнка, а в ходе поисков становится ясно, что похищение мальчика и пропажа древнего оберега связаны.

© Иванова М., 2023

© Автор, 2023

Марина Иванова Колдовской оберег

1

Старуха шла по обочине дороги. Она была стара, очень стара, настолько, что скорее казалась сказочным персонажем, нежели живым человеком, но уверенно и довольно быстро шла по пустынному шоссе. Шаркая разношенными ботинками явно с чужой ноги, обходила схваченные тонким ледком лужи, сноровисто стучала по кромке асфальта кривой самодельной клюкой. Она торопилась. Но останавливалась время от времени, замирала, глядя вдаль подслеповатыми глазами, к чему-то прислушивалась, кивала собственным мыслям, бормотала что-то неразборчиво. Иногда она попадала клюкой в блестящую ледяную лужицу, ломался с треском хрупкий лёд, старуха морщилась досадливо. Весна... Вроде бы и снег сошёл, ан нет, снова подморозило, серебром легла изморозь на острые клювики травы, засверкали на солнце затянутые льдом лужи. Ничего, к полудню распогодится, вот и ветер уже меняется...

Следом за старухой быстрой и бесшумной тенью крадась трёхцветная полосатая кошечка. Маленькая совсем – котёнок-подросток, любопытный и бесстрашный. Изредка старуха бросала на питомицу снисходительный взгляд, обращалась к ней, что-то рассказывала. Чувствовалось – котейка единственная собеседница старухи вот уже долгое время, слишком привычным выглядел разговор старухи с четвероногой спутницей.

Возле развилки старуха остановилась. Задумчиво убрала под платок выбившуюся седую прядь, тяжело опустилась на поваленное дерево, прислонила к стволу клюку. Кошечка тут же привычно прыгнула к ней на колени, принялась ластиться, бодая хозяйку круглой головой.

– Вот тут и подождём, Маруська, хозяев твоих будущих, – поглаживая неловкими руками шелковистую шкурку, бормотала старуха. – Не хочется? Страшно? Понимаю... Мне тоже вовсе не хочется делать то, что должна, и тоже страшно. Очень страшно... – она потрепала кошечку по ушам, почесала шейку, улыбнулась. – А тебе, лапа, дом новый нужен, и он у тебя будет, обещаю. Никто тебя в нём не обидит, ладно жить станешь. Со мной остаться хочешь? – Старуха снова почесала лаптящуюся кошечку за ухом. – Нельзя со мной. Я и сама не знаю, что дальше будет. Стара я, Маруська, очень стара, на твой век жизни моей всяко не хватит. А по лесу бродить беспризорницей я тебе не позволю... Ну... иди, пересядь на брёвнышко, дело делать буду. Пора.

Из многочисленных складок одежды старуха достала чёрную свечу, утвердила её в подмороженной земле, подпалила фитиль вспыхнувшей спичкой, зашептала что-то быстрой скороговоркой. Сухонькие пальцы сжали тонкую веточку, застыли в тревожном ожидании.

Вдалеке показалась машина. Старуха закрыла глаза, будто так ей было лучше видно, забормотала что-то ещё быстрее. По мере приближения автомобиля, её голос всё нарастал, неразборчивые слова, произносимые речитативом, слились воедино, превратившись в невнятный вибрирующий гул. Вот приблизилась машина, старуха замерла на миг, прервав странный ритуал, и резко преломила веточку, зажатую в пальцах.

Автомобиль, будто повинуюсь неслышному приказу, сбросил скорость, съехал на обочину, с треском расколотив хрупкую наледь, и застыл.

– Ну что, Маруська, – тяжело опираясь на руку, поднялась с бревна старуха, – Пришёл наш черёд. Мне некому сказать будет, а ты, лапа, запомни: по принуждению делаю это, не по собственной воле. Не по-людски это, преступление, но иначе нельзя. Да что я... перед животиной неразумной оправдываться надумала... – Она дошла до автомобиля, открыла пассажирскую дверь.

Водитель и его женщина сидели, уставившись в одну точку, и ни на что не реагировали. Казалось, мужчина за рулём всё ещё ведёт автомобиль, его взгляд упирается в серую ленту выщербленного асфальта. Женщина безучастно смотрит в окно, думает о чём-то.

Старуха протянула руки, повозилась с пряжками и замками, вытащила из автомобильного детского кресла ребёнка – двухлетнего мальчугана, с любопытством уставившегося на неё внимательными чёрными глазами.

– Ну, Макар? – старуха крепко прижала его к себе, – Кричать не будешь?

Мальчик молчал. Сопел сосредоточенно и молчал, но на всякий случай старуха тихонько подула ему в лицо. Мальчик улыбнулся и, сладко зевнув, заснул. Старуха захлопнула дверь автомобиля и торопливо двинулась в обратный путь. С ребёнком на руках, но уже без кошки, Маруська благополучно укрылась под водительским сиденьем.

Старуха уходила быстро и шла уже не по обочине, спешила к лесу. Кто знает, сколько продлятся чары – она не могла рисковать, для неё жизненно необходимо доставить этого ребёнка до места назначения.

Она была уже далеко и не слышала, как полетел по лесу отчаянный женский крик: «Макар!»..., но почувствовала что-то, остановилась на мгновение, прислушалась.

– Прости, Макарушка, так надо... – и поспешно зашагала дальше, забираясь по одной ей известным тропам всё дальше в лес.

А мальчик на её руках спокойно спал, чему-то улыбаясь во сне.

1870 год

Асенька шла по мокрому чужому лесу. Она спешила. Добраться до искомого места нужно так, чтобы успеть вернуться домой до темноты, чуть сумерки – и заблудится она, собьётся с едва заметной, вьющейся среди деревьев тропки, чего доброго в трясину попадёт. Но возвращаться нельзя, дело, отправившее её в путь, не терпит отлагательств.

Пустой лес казался враждебным. Теснились тени, пугали звуки – Асенька то и дело останавливалась, крутила головой, беспокойно прислушиваясь. То сухая ветка хрустнет под ногой, и замирает девочка, колотится от страха сердечко. То птица вырвется из кустов – снова остановка. Страшно. Жутко, но... маменька больна и единственный шанс спасти её – обратиться к ведьме. Она поможет, о ней, живущей в глухом лесу, ходят легенды. Половина из них, конечно, небылицы, которыми детишек непослушных пугают, но есть и другие, заставляющие верить в настоящие чудеса.

Асенька не боится сбиться с пути, всего-то и надо придерживаться края трясинны, раскинувшейся за кромкой леса на многие вёрсты, боится девочка другого. Ну как зверь какой выскочит из леса, в этих местах, нехоженых, имеющих славу дурную, зверья дикого видимо-невидимо, да необычное тут зверьё, говорят, что ни волк, так оборотень, а медведи захаживают ну просто гигантские, и ещё кабаны размером едва ли не с корову, и лоси, цепляющие ветвистыми рогами пушистые облака... У страха глаза велики, да и деревенские байки дело своё сделали, вот и пугалась Асенька каждого шороха, даже шагов собственных, но упрямо шла вперёд, стараясь ступать босыми ногами как можно тише.

Ей всё казалось, что кто-то, ломая кустарник, топает следом, сперва звук чужих шагов был отдалённым, его можно было списать на разыгравшееся воображение, но теперь... что-то изменилось, преследователь, кем бы он ни был, подбирался всё ближе и ближе. Человек. Явно человек, но кто может преследовать её здесь, в глухом лесу, куда даже отчаянные мальчишки заходить опасаются? Не иначе лихостей в лес забрёл, много их, лихих людей в последнее время к деревне из лесу выходит.

Ох... Ног под собой не чуя от ужаса, Асенька побежала. Хотелось кричать, крик рвался из груди сам собой, чего стоило девочке сдерживать его, сама потом не вспомнит, но держалась, понимая, что криком привлечёт к себе ненужное внимание. Она летела стрелой, не разбирая дороги, продираясь сквозь кустарник, ломая ветви, но... запутались в высокой

траве ноги, девочка, вскрикнув, плашмя упала на землю. Перехватило дыхание, Асенька так и лежала пластом, не в силах шевельнуться. Только голову раскрытыми ладонями прикрыла и зажмурилась. Вот сейчас нагонит... Вот уже... слух обострился до предела, чужие шаги, приближаясь, гремели в ушах набатом. Вот уже можно различить звук чужого дыхания, чужак сопит так, будто вынужденная гонка отняла у него все силы.

– Васька! – вдруг раздался над головой знакомый голосок, – Ты чего разлеглась, коро-вица? Застудишься...

– Заишка?! – Ася нашла в себе силы повернуться, уставилась на младшую сестренку, будто на привидение. – Ты как здесь? – Голос противно дрожал, привычные слова давались с трудом. Вот уж верно, у страха глаза велики, насочиняла небылиц с перепугу и сама в них поверила. Ну в самом деле, кто на ведьмину заимку за ней отправиться мог? Только Зоя, сестрёнка-погодка, всё-то она об Асе знает, смекнула, умница, куда та собралась спозаранку.

– От самой околицы за тобой топая, а ты вона как летишь! Не угнаться! – ворчливо попеняла сестрица. Сорвала с головы платочек, принялась обмахиваться им.

– Так это ты?... – хихикнула Ася.

– Нет, медведик косолапый по лесу за тобой поспешает... – девочка устало опустила-сь на траву, утёрла подолом пот со лба, откинула за спину длинные косы. – Ты, Васька, к Таисии так спешишь, да? – деловито поинтересовалась она.

– Откуда знаешь? – Ася насторожилась. Никому не говорила она о своих планах, но проницательная сестрёнка, кажется, всегда всё про всех знает.

– Знамо дело, разговор бабули с Афанасьевной подслушала. Так же, как и ты. – Драз-нясь, сестрица высунула розовый язычок, смешно наморщила веснушчатый нос. – Вот только ты не подумала, а я смекнула, что к ведьме с подношениями идти на поклон надобно. – И она кивнула на корзинку, стоящую поодаль.

– Ох... А я мне и невдомёк, – растерялась старшая сестрица. – Что бы я без тебя делала, Заишка, милая?

– Глазами бы хлопала, стоя возле избушки, – хихикнула проказница. – На вот, хлеба покушай... – и выудила из корзинки, накрытой чистой тряпичкой, румяную булочку.

– Не хочется, – покачала головой Ася. – Что же мне делать с тобой, а? Домой отправ-лять? Да далеке уже, и боязно одну тебя отпускать.

– А и не надо. Вместе пойдём. Вдвоём не так боязно, правда? – в глазах Зои так и плясали озорные бесенята, всё-то ей, стрекозе вертлявой, забавным кажется.

– Правда... – Ася хмурилась. Негоже тащить к ведьме в логово меньшую сестрёнку. А той всё будто нипочём.

– И до дому не страшно будет идти вдвоём, да, Васька? – предвкушая приключение, нахо-дила всё новые доводы Зоя.

– А ведьма? – колебалась старшая сестра. – Не надо бы тебе ей на глаза показываться. Кто её разберёт, на что она способна... ну как порчу найдет? Люди говорят, на любое лихо она способна, даже смерть наслать может.

– Да за что? Мы с миром придём да с гостинцем. Слыхала я, Таисия только на тех порчу насылает, кто пакостит ей.

– Что же, находятся такие? – Ася смотрела недоверчиво, ответа от сестры ждала, будто та наверняка всё знать могла.

Зоя неуверенно пожала плечами.

– Раз насылает, стало быть, находятся. Ведьмы обижаться любят. Но мы-то с бедой к ней... не обидит она нас.

– Ну и заноза ты! – засмеялась Ася. Смех вышел жалким, выдавал все сомнения и страхи старшей сестры. Стыд царанул что-то внутри, зарделись щёки. Вот ведь малая как дер-

жится, будто и вовсе страха не ведает, а она, старшая, расквасилась совсем. – Добро! – решила Ася. – Идём скорее, нам ещё до сумерек домой поспеть надо.

– Далеке идти? – живо откликнулась Зоя. Она с любопытством крутила головой по сторонам, то и дело наклоняясь, вытаскивая из мха очередной боровик или подосиновик, складывала найденные грибы всё в ту же корзинку, поверх тряпицы.

– Сказала бы, да коли знать... Брось ты грибы, Заинька, и давай вместе корзину понесём, надорвёмся.

– Да не! – отмахнулась малая. Глаза её так и светились любопытством и озорством, не понимает ещё по-малолетству, насколько серьёзен и опасен их поход. – Василис, сестрица, а ты видала Таисию?

– Нет.

– И я нет. А как мы узнаем, она ли?

– Что ж знать тут, Заинька, в диком лесу некому больше жить. Она, да звери диковинные.

– Белочки? – издевалась Зоя.

– С волчьими зубами.

– Поглядеть бы! – ликовала девочка.

– Да будет тебе веселиться-то! – рассердилась Ася. – Беду накличешь!

– А вот и нет! – Зоя засмеялась, полетел по лесу хрустальный звон колокольчика.

Ася шикнула на сестру, опасливо огляделась и, прибавив шагу, выскочила на залитую солнцем небольшую лесную полянку.

– Пришли! – с восторгом воскликнула сестрёнка и кинулась к избушке, притулившейся под деревьями. Ася успела поймать её за подол длинной юбки.

– Куда поскакала, сестрица? Обожди меня здесь, под ёлочкой. Одна я схожу.

– Вот ещё! Вместе пойдём! – не приняла условия игры Зоя. – У нас обеих беда, не только у тебя, Васька, стало быть, вместе держаться надо.

Ася вздохнула. Ей, конечно, с сестрой было бы не так страшно, но ради безопасности Зои она готова идти одна. Трусливо шевельнулось что-то в душе, может и правда, вдвоём сподручнее, но она решительно одёрнула себя. Если уж и пропадать, то одной дочке, вторая родителям отрадой будет.

– Нет, Зоя, ты останешься! – решительно возразила она.

– Ну вот всегда так... – заныла Зоя. – Я корзинищу тяжёлую пёрла через весь лес, а ты шугаешь меня под ёлочку...

– Да пойми же, глупая, нельзя нам вдвоём. Ну как со мной что случится, хоть ты вернёшься к мамёнке с папёнкой.

– Что же это станется с тобой? – раздался за спинами сестрёнок старческий надтреснутый голос.

Обе обернулись в панике, вот только-только одни на полянке были, ни шагов, ни шума не слышали, и на тебе! Появилась за спинами древняя старушеница с тусклым полным ягод в высохшей морицинистой руке.

– Ко мне ли шли? – хмуро спросила она, глядя, как жмутся друг к дружке перепуганные девочки, как плещется страх в распахнутых глазёнках обеих.

– Вы Таисия? – дрожащим голосом уточнила Ася.

– А ты Василиса будешь? – усмехнулась старуха. – И Зоенька... Зачем пожаловали?

– Беда у нас..., – едва не теряя сознания от ужаса, промямлила Ася. – За подмогой мы...

Пособите, окажите милость...

– Беда ли? Да такая, что самим не сдюжить? Ой ли... Да негодже в лесу разговаривать, ты, Василиса, в избу ступай, там о беде своей и поведаешь. А ты, Зоя, в сараюшку сходи, за избой она, там обожди. Да гостинец свой на крыльце оставь, пригодится.

Зоя вцепилась в Асю, не оторвать, та еле разжала ручонки, подтолкнула сестру к сараю.

– Обожди там, – шепнула она, – Да в избу не лезь, поняла?

Зоя кивнула, вот-вот разревётся, и куда только пропала смелость безудержная...

Ветхая изба встретила нежданную гостью невыносимым печным жаром, натоплено было так, что у Аси голова закружилась, чтобы не упасть девочка прислонилась к стене. Старуха будто и не заметила состояния девочки, прошла к столу, поставила туесок, опустилась на лавку. Она с интересом разглядывала Василису, та, вжавшись в стену, молчала, не в силах и слова вымолвить.

Всё здесь казалось страшным: ветхая избушка посреди леса, крохотная горница, большую часть которой занимает печь, маленькие слепые оконца, грязные до такой степени, что с трудом и неохотно пропускают дневной свет, пыль, грязь, дурманящий запах от развешанных повсюду трав, а страшнее любого лиха хозяйка избушки – не потому, что старость не красит никого, веет от Таисии силой тёмной, неведомой. Тьма стоит за её спиной, и Ася никак не могла понять, от невыносимой ли жары померещилось, или зрение подводит. Моргнула, потрясла головой, но нет, тьма за спиной ведьмы никуда не далась.

– Да не мерещится тебе, девонька, – усмехнулась старуха, – Видишь то, что есть. Все дела мои тёмные, все грехи смертные. Зря пришла ко мне.

– Почему? – почти беззвучно прошептала Ася.

– Пособить могу, мамка твоя уже на третий день на ноги встанет, но плату я беру высокую. Готова ли?

Лишь на мгновение задумалась девочка, секундочку с ответом помедлила, но ответила. Громко и чётко, глядя в старческие водянистые глаза, прожигающие её едва ли не насквозь.

– Готова.

– И даже не спросишь, что мне от тебя понадобится?

– Спрошу. А вы ответите? – вопрос прозвучал смело, даже дерзко, поняв это, Василиса сжалась у стены, смотрела выжидающе и настороженно. Чего ожидать от ведьмы? Такая способна зажарить и съесть, до того страшна и безобразна.

Старуха медлила с ответом, сидела и, не таясь, разглядывала отважную девочку. И то, чего девочка о себе ещё даже не знала, не ускользало от её пристального взгляда. А видела старуха в девочке силу наследную, что дремала в душе, пока никак не проявляя себя. В сущности, девочке не нужна была помощь ведьмы, чтобы избавить мать от недуга, хватило бы и собственных сил, но она даже не подозревает, на что способна. И её незнание старуха решила использовать в собственных целях.

Она понимала, что жизненный путь подходит к концу, сомневалась, дотянет ли до первого снега, а способности ведьмовские утрачены ещё раньше, но девочка... если тянуть из неё силы, годков пять ещё протянуть можно, и не всё ли равно, что станет с девочкой, одной душой загубленной больше, одной меньше, счёт открыт ох как давно... Уж больно не хотелось старухе навсегда покидать этот мир, хоть сколько протянуть – и то дело.

– Пойдёшь ко мне в услужение да в обучение, – изрекла, наконец, ведьма. – Стара я стала, с хозяйством всё труднее управляться, помощница мне нужна.

– Но... – в глазах девочки плескался неподдельный испуг.

– Что? Ты же на всё согласна была.

– Да, но я не ведала... – не смея поднять глаз, Василиса теребила поясок сарафана.

– За всё в этом мире платить приходится, всё свою цену имеет. А жизнь тем паче. Я от маменьки твоей смерть отведу, от немочи и следа не останется, а плата... Тебе решать, я не неволю. Ты можешь прямо сейчас взять сестрицу и домой уйти, я не задержу и зла во след желать не стану. Уходи прямо сейчас.

– Нет! – решила Ася, выпустив из одеревеневших пальцев измочаленную кисточку пояса. – Пусть так. Согласна я.

– Уверена, девонька? Пути назад не будет.

– Коли нет другого способа, сойдёт и этот, – обречённо проговорила Ася.

Старуха кивнула.

– Тогда к столу иди, расскажу, что делать надо.

3

Девочка вот уже полтора часа стояла под окном дома и не решалась зайти. Ей казалось, да нет, она знала наверняка, что в доме произошла трагедия. Откуда пришло это знание, она и сама объяснить не могла, знала и всё тут. То ли запах у беды особый, то ли слух уловил неестественную и неживую тишину, но стояла девочка, никак решиться не могла к порогу шагнуть.

Она замёрзла, довольно тёплый весенний день сменился вечером, холодным и хмурым, и таким же одиноким, как этот вечер, казался родной дом. Девочке было невыносимо страшно, хотелось плакать, кричать, повернуть этот мир вспять, хотя бы на несколько часов вернуть время назад. Туда, где ещё не случилась трагедия, где на кухне мама с дочкой пекли тонюсенькие кружевные блинчики, смеялись, пачкая друг друга мукой, и не нависала безмолвной угрозой тень самой настоящей беды.

Не подойти к телефону, не снять трубку, отказаться, в конце концов, от предложения друга сыграть в новую «бродилку». Но нет...

– Mam..., – тянула девочка, когда всё ещё было хорошо, – Я добегу до Пашки, ему отец крутую игрушку купил, я хоть одним глазком взгляну...

– Ясенька, солнышко, – обняла дочь молодая женщина, поцеловала в темноволосую макушку, – Посидела бы дома, поздно уже.

– Да где ж поздно-то? – ворчливо спорила девочка, выворачиваясь из материнских рук. – Посмотри за окно, мам, ещё светло совсем. Да и Пашка рядом живёт, если дворами идти, то всего-то три минуты. А если бегом, то полторы. Ты даже заметить не успеешь, что меня нет, я туда и обратно, нигде задерживаться не буду.

– Ну хорошо. Иди. Только обещай мне явиться через час.

– Может, полтора? – хитро улыбнулась Ася.

– Уболтала, плутовка. Беги, беги к своему Пашке.

Порывисто обняв мать и подхватив с тарелки румяный блинчик, девочка умчалась одеваться. Знать бы тогда! Знать бы!

Они жили на окраине города, в заводском посёлке, где блочные высотки спокойно соседствовали с деревенскими домишками – не город, не деревня, да и жизнь была соответствующей, не настроенной на современный лад. Носились по улицам ватаги детворы, играя в прятки и казаки-разбойники, гоняли на велосипедах, разрисовывали девочки классиками щербатый асфальт, прыгали через скакалку и резиночку, крутили обруч. Кричали из окошек родительницы, зазывая домой загулявших чад, и никто из местных родителей не боялся отпускать детей на улицу, те, сбиваясь в стайки, до темноты бегали по тихим дворикам.

Ася жила с мамой в деревенском доме, бегала в школу на соседнюю улицу, после уроков спешила в музыкальную студию и была вполне благополучным ребёнком, если бы не одно «но», так отличающее её от сверстников. Девочка частенько видела то, что только должно произойти, а также многое из того, что уже произошло. Мама с раннего детства внушала ей, чтобы никому и никогда не говорила она о своих способностях, уверяла, что от них только беды ждать, и Ася настолько привыкла скрывать свою особенность, что никто даже не догадывался о таковой.

Она стояла под окном и дыханием согревала покрасневшие, озябшие ладошки. Дом манил освещённым кухонным окном, но идти туда Ася боялась. Нет там больше мамы, нигде

её больше нет, не чувствует Яся связи с ней. Девочка тихонько поскуливала от бессилия и отчаяния и не понимала, что ей делать теперь.

Скрипнула калитка за спиной, Яся невольно пригнулась, оборачиваясь на звук.

– Рудакова! – раздался от калитки звонкий мальчишеский голос, – Ты математику сделала? Дашь списать «домашку»?

Яся выдохнула. Всего лишь друг и одноклассник Генка Троицкий, а она-то чуть от страха не умерла.

– Сделала, – справившись с нервной дрожью, кивнула девочка. – Вот только...

– А ты чего здесь? – внимательно разглядывал Ясю мальчишка. От него не укрылось, что девочка сильно замёрзла. Покрасневшие руки, обветренное лицо, застывшие дорожки от слёз на щеках... – Чего домой не идёшь?

– Там... там... – Яся всё-таки разревелась. – Беда в доме, Трояк.

– Беда? – недоверчиво протянул Генка. – А что случилось?

– Не знаю...

– А говоришь беда... Что с тобой, Яска? Кукушка поехала? – посочувствовал мальчишка.

– Просто... я могу чувствовать то, что другим недоступно, – призналась девочка. – Я не была дома, но знаю, что с мамой беда. Её нет больше... А я вот... боюсь зайти. Уже, наверное, два часа стою, – доверительно пожаловалась она.

– Точно кукушка... – вынес вердикт мальчик. – Идём.

Яся вдруг поняла, как рада видеть рядом Генку, отчаянного хулигана и двоечника. С ним не страшно. Что бы ни случилось – не страшно. Одна бы она так и стояла, не решаясь зайти в дом. А появился Генка, всё решил за неё, взял за руку решительно, не слушая возражений, потащил к крыльцу.

– Не бойся. Я с тобой.

Яся нервно хихикнула. С тобой! Как громко сказано! Чем он, мальчишка двенадцати лет сможет помочь ей? Разве что беду разделить, но и это уже немало.

Дом встретил их неестественной тишиной, настолько гулкой, что уши закладывало. Ясин мандраж передался и мальчику.

– Ясь..., – прошептал он. – А мама твоя точно дома была?

– Да. Точно. Она никуда не собиралась. И потом... видишь, свет на кухне, так же шёпотом ответила девочка.

– Странно...

Щёлкнул выключатель, узкая прихожая осветилась жёлтым светом. Яся зажмурилась.

– Рудакова... ты это... постой здесь, я посмотрю.

Генка храбрился изо всех сил, показывать свой страх девчонке он не намеревался, но Яся слышала страх в неуверенном шёпоте, видела в скованности движений. Ничего. Она никому и никогда не расскажет, главное, чтобы не сбежал Генка, не оставил её один на один с потусторонним ужасом. Она кивнула, застыла, спиной вжавшись в стену, Генка неслышно двинулся по коридору, скрылся в комнате.

Одной стало невыносимо страшно, девочка, преодолевая накопившую слабость в ногах, медленно двинулась следом за другом.

Он перехватил её у двери в комнату, схватил в охапку, оттеснил обратно к двери, совсем по-взрослому, что-то торопливо зашептал в ухо. Девочка не понимала, мотала головой, вырывалась, но Генка держал крепко, увлёк на кухню, плеснул ей в лицо водой из стакана.

Яся тяжело и неуклюже осела на потёртый кухонный диванчик, Генка, не размыкая объятий, всё что-то неразборчиво шептал, ни слова не разобрать. Губы разомкнулись с трудом, сил хватило едва слышно выдохнуть два слова:

– Что там?

– Яся... Яся... – мальчишка растерял всю свою взрослость и стойкость, губы его дрожали, слова давались с трудом. – Там мама твоя... Она... Она...

– Умерла? Да?

Он лишь кивнул обречённо.

– Я хочу её видеть! – решительно заявила Яся. Ужас отступил. Чего уж бояться, когда всё, что могло случиться, свершилось. Самое страшное, да, но поправить... обратного хода нет, время не отмотать назад.

– Не надо, Ясь. Нам нужно вызвать... ну кого там положено... не знаю...

– Я пойду, – мотнула головой Яся. – Ты со мной, Трояк?

– Ты уверена? – Генка смотрел с сомнением. А сорвётся в истерику, и что он будет делать с ней? Пожалуй, присоединится.

– Да. С тобой. – мальчик протянул руку, уверенно сжал холодные пальцы девочки.

– Идём.

Мама лежала на кровати. На ней был серый домашний костюм с розовым зайцем на груди и почему-то одна тапочка на ноге. Вторая валялась возле двери. Шикарные каштановые волосы, предмет Яськиной зависти, разметались по подушке, казалось, женщина просто спит, но невидящий взгляд в потолок говорил сам за себя.

Яся смотрела на мать отстранённо, находясь в состоянии близком к шоковому, но, тем не менее, цепкий взгляд улавливал всё вокруг, складывая увиденное на полочку памяти. Пустые упаковки из-под снотворного, ополовиненный стакан воды на прикроватной тумбочке, горшок с цветком не на месте, земля в горшке мокрая, этого совершенно точно быть не могло, Яся всегда поливала цветы сама, сегодня – забыла. Так же не ускользнули от цепкого взгляда синяки на мамином запястье – но всё это вспомнится потом, когда придёт время, сейчас же Яся замерла почти у дверей каменным истуканом, не в силах ни пошевелиться, ни даже заплакать. Так и смотрела на маму расширенными от ужаса глазами, забыв о Генке.

– Что она носила на шее? – вопрос друга прозвучал как бы издалека, только теперь Яся вспомнила о мальчишке, медленно повернула голову, увидела, что он, хмурясь и кусая губы, крутит в руке пустую упаковку из-под таблеток.

– В смысле? – прошептала она.

– У неё на шее след, как будто сдёрнули что-то... – торопливо пояснил мальчик. – Что это было?

– Шнурок кожаный с оберегом, – до девочки вдруг дошло. – Так... Генка, именно за ним они и приходили!

– Кто они? – Генка моргнул растерянно, взлетели вверх длинные белёсые ресницы.

– Те, кто убил её.

– Убил?! Она же... – он протянул Ясе упаковку. – Она же сама...

– Нет! – решительно тряхнула головой девочка. – Не сама. Здесь были двое. Одного она знала. Раз дверь открыла... Я чувствую запах мужского парфюма... И ещё... Запах лекарств. Таблетки не пахнут, тут другое... Да и таблеток таких в нашей аптечке не было.

– Офигеть! Яська, идём ко мне. Переночуешь, успокоишься... Нельзя тебе здесь.

– Ты думаешь, я сочиняю? – глаза девочки подозрительно сощурились, Генка отступил.

– Да нет... Но не оставаться же тебе здесь.

– Нет. Нельзя. Мне бежать надо, и как можно дальше. Мне здесь опасно, теперь на меня охоту откроют.

– Ты чего, умом тронулась? Кому ты нужна? – не поверил паренёк.

– Ты не понимаешь, Генка... – отчаялась что-либо объяснить Яся. – Ладно, идём к тебе. Я только вещи соберу... А ты протри упаковку от таблеток и всё, чего касался.

Мальчик не ответил. Спорить с человеком, который от горя разум потерял, себе дороже. Ну в самом деле, два часа под окном стояла, никто и не заметил, а говорит, опасность... Правда послушно сделал то, что девочка велела, протёр блистер краешком собственной футболки.

– Только..., – доставая из шкафа небольшую спортивную сумку, обернулась к нему девочка, – Ты своим, пожалуйста, не говори, что мама... – Яся осеклась, Генке показалось, невероятными усилиями ей удалось сдержать слёзы, но справилась, мотнула головой, снова посмотрела на него. – Не надо пока никому ничего знать. Я тебе потом всё-всё расскажу, а пока не спрашивай, ладно?

– Ну хорошо. Только... Ясь, полицию бы вызвать.

– Не нужно. Завтра с утра участковый дядя Ваня зайдёт, он всегда заходит, у него с мамой... отношения. А я сюда не вернусь.

– Совсем?

– Совсем. Мне опасно. И вообще, если оберег найти не удастся, через год... и меня не станет.

– Какие страшные вещи ты говоришь! – содрогнулся мальчишка. – Не сочиняешь?

– Нет. Мама чувствовала, будто знала, что погибнет из-за этого оберега, это не просто поделка из дерева, Ген. Это старинный оберег, его история начинается в середине девятнадцатого века. Он передаётся от матери к старшей дочери.

– И куда же ты? У тебя родня есть? – История оберега Генку не интересовала, куда больше волновал вопрос, что теперь станет с подружкой.

– Нет. Не знаю. Куда-нибудь.

– Ладно, подумаем. Ты собралась? Идём отсюда скорее, мне как-то не по себе, – стесняясь собственной трусости, признался Генка.

– Да. Пошли. Свет только не гаси, пусть так останется. Мы и так глупость сделали, в коридоре и в маминой комнате свет зажгли. – Яся подумала. – Давай через окно из моей комнаты выберемся, – решила она.

Генка жил с родителями в красивом трёхэтажном коттедже, попасть на третий этаж, которым мальчик владел безраздельно, можно было как из дома, так и со двора, что Ясю в сложившейся ситуации не могло не порадовать. Общаться с Генкиными родителями она была не готова. Более того, никому не нужно знать, где она проведёт эту глухую ночь, полную безысходной тоски и отчаяния.

Они пробирались огородами, Яся была уверена, что за домом кто-то наблюдает, выбрались из окна в задней комнате, пролезли через дыру в заборе, ломились напрямки, ломая голые ветки густого кустарника, стараясь не попадать в круги света, отбрасываемые тусклыми фонарями. Погони не было. Страх, в разы усиливающий восприятие, дал бы знать, он заставлял прислушиваться, ловил звуки, тени, доносил запахи. Всё спокойно кругом. Если и существовал надзор за домом девочки, то был он со стороны улицы, Генка и не подумал бы, рванул на улицу, так гораздо ближе, но Яся оказалась умнее, как бы ни была напугана и потеряна, а сообразила, как от слежки избавиться.

В Генкином доме всё было знакомо ей. Они дружили с самого детства, и сколько раз Яся была в гостях у него – не сосчитать. Стоило Генке протянуть руку в темноте, Яся перехватила её.

– Не включай свет, с дороги увидят, заинтересуются. Давай сначала шторы задвинем, – и сама уверенно двинулась к окну.

– Какая ты! – искренне восхитился мальчишка. – Всё просчитываешь!

– Это потому, что мне опасность угрожает, и тебя подставлять под удар не хочу, – устало ответила девочка, повалилась на пуфик и разразилась слезами. Генка, не зная, как утешить, мялся рядом, что-то говорил растерянно, больше междометьями, чем связным текстом, не

знал, куда руки деть, а оттого беспрерывно чесал голову, взлохмачивая отросшие белобрысы вихры.

– Ясь, – наконец вымучил он что-то связное, – А хочешь, я дяде позвоню? Он с твоей бедой быстро разберётся. Он военкором работает, все горячие точки объездил.

– И что с того? – всхлипнула девочка. – Где тут боевые действия?

– Ты не понимаешь... Он крутой, он всё может! – Столько уверенности и гордости было в его словах, что Яся улыбнулась невольно.

– Нет, Генка, – покачала головой она. – Мне помочь он не сможет. Ты не переживай, я только поплю чуть-чуть и уйду.

– И куда пойдёшь?

– Мы об этом уже говорили, – вытирая слёзы рукавом толстовки, отмахнулась Яся. – Некуда мне идти. Пойду... куда-нибудь. На вокзал.

– Даже не думай! Надо же придумать такое!

– А что мне остаётся? – девочка пожалала плечами, бросила на непонятливого собеседника сердитый взгляд. – Ты не понимаешь что ли? Меня либо убьют, либо в детдом сдадут, а это равносильно первому, потому что найти меня там будет очень легко.

– Ты погоди, Ясь. Поживи у меня несколько дней, а там... придумаем что-нибудь. Обязательно придумаем, я тебе обещаю!

Яся горько усмехнулась и не ответила, лишь смотрела, не замечая, как теребит мальчишка рукав и без того растянутого свитера. Генка хороший друг, с ним в разведку можно, но её беде помочь он не в силах. И не стоит впутывать в историю ни его, ни дядю-военкора. Незачем.

Яся уйдёт рано утром, когда Генка, умаявшись за ночь, заснёт беспробудным сном, напоминанием о ночных событиях останется лишь надпись на стене чёрным маркером: «Спасибо за всё. Ты настоящий друг. Буду помнить». Генка строго-настрого запретит матери отмывать послание, надпись так и останется памятью о страшной ночи, и мальчик, тоскуя о подруге, будет перечитывать и перечитывать короткие скупые слова.

4

Егор проснулся, разбуженный телефонным звонком. Спросонья кинулся к городскому телефону, потом сообразил, что надрывается сотовый, чертыхаясь, бросился разыскивать его в потёмках, наткнулся на кресло, больно ударившись об него мизинцем. Телефон звонил и звонил, но вот где он, вопрос тот ещё. Наконец, слабое мерцание из-под кровати выдало местонахождение мобильного, Егор нырнул под кровать, выудил аппарат, и, не вставая с пола, нажал кнопку.

– Да!

– Егор, прости, что ночью, прости, что разбудил, – заговорил мобильник взволнованным голосом Антона. – Беда у нас, Егор. Что делать – не знаю!

– Что, Антон? Что случилось? – сон мигом слетел с Егора. Хотя нет, сон слетел с него раньше, когда он как слепой метался по комнате в поисках телефона. С хорошими новостями посреди ночи обычно не звонят, звонок среди ночи – вестник беды, и подобные звонки мигом сон прогоняют.

– Макарка... – задыхаясь, выпалил Антон. – Его похитили!

– Подожди, Антон! Объясни толком. Спросонья никак не пойму.

– Сына моего похитили, Егор! Ритка с утра белугой воет, не знаю, как успокоить! То ли сына искать, то ли её в чувство приводить!

– В полицию обращались? – задал Егор резонный вопрос.

– В полицию! – в голосе Антона сквозила горечь. – Они нас и обвинили во всём! Сказали, что мы сами ребёнка... убили. И это, несмотря на то, что Ритка сама полицейский! Продержали

до вечера и отпустили под подписку! И всё допрашивали, допрашивали... Верись, я уже в чём угодно был признаться готов!

– Как пропал Макар?

– В том-то и дело, что непонятно всё! Мы ехали к матери. Почти добрались до города, а тут... последнее, что помню, так это то, что скорость сбрасывать начал. Потом всё... Очнулся уже в дороге, мы и заметили-то не сразу, что Макара нет, будто под гипнозом были!

– Скорее всего, это и был гипноз, – подтвердил его догадку Егор. – Вы где сейчас?

– У матери.

– Подъезжай. Прямо сейчас. И фотку Макара захвати, понадобится.

– Да. Хорошо.

– И ещё... Антон, а где Лиза?

– В Греции с Киrom и Полинкой. Она недоступна, тысячу раз ей набирал! И ей, и Кириллу.

– Приезжай, – ещё раз сказал Егор и отключился.

Антон приехал уже через двадцать минут. Ворвался в дом ураганом. Растерянный, злой, готовый к решительным действиям – он напоминал разрушительной силы торнадо, смерч, сметающий всё на своём пути. Егор с порога разглядел в его взгляде сотни вопросов и ни одного ответа. Ни единой зацепки, ни намёка на осмысленность. Ситуация вышла из-под контроля, для обстоятельного Антона незнание чего-либо – синоним апокалипсиса, а тут...

Егор провёл его в комнату, едва ли не силой усадил в кресло, налил коньяку в рюмку.

– Пей! – коротко потребовал он.

Антон молча повиновался. Выпил залпом, не поморщившись, тяжело опустил рюмку на журнальный столик, сжал её в кулаке.

– В общем... – выдохнул он. – Похитили нашего Макарку.

– Это я понял. Ты мне толком можешь рассказать, что к чему?

– Могу. Мы ехали к маме в гости, а в дороге что-то странное приключилось. Мы... как будто отключились оба в какой-то момент. Я порядочного куска пути вообще не помню. А как в себя пришли, обнаружили, что детское кресло пустое. Ну тормознули, конечно, вышли – никого. Ни души, только лес кругом. И жилья-то никакого рядом нет, так... церковь полуразрушенная по другую сторону дороги, покосившийся указатель, и ни следа недавнего присутствия человека! А Макар... как в воздухе растаял. Сам отстегнуться он не мог, маловат ещё, да и выйти из машины на ходу тоже невозможно, сам понимаешь, двери заблокированы. Да что я... Чушь несу! – сам себя оборвал Антон. Помедлил, собираясь с мыслями, снова стиснул в кулаке пустую рюмку, глянул на Егора, разжал кулак, отодвинул рюмку, будто испугался, что раздавить сможет. – Словом, никаких следов. Вообще никаких, – уныло продолжил он. – Будто и не было нашего сына... Ритка в истерике бьётся, я в полицию звоню. Вызвал. Они приехали, а мы и объяснить толком ничего не можем. Сам понимаешь, как выглядит наша история в глазах скептиков.

А в машине кошка обнаружилась. Обыкновенная полосатая кошка. Теперь Ритка с ней обнимается и плачет. Не знаю, может, думает, что Макарка в кошку превратился. – Его рассказ прервал нервный смешок. Но, усилием воли взяв себя в руки, Антон продолжил, – сняли отпечатки пальцев с ручки двери, где детское кресло, с замков на кресле. Чужие отпечатки есть, конечно, но наша доблестная полиция это даже в расчёт не берёт. Ну мало ли кто следы на дверце оставить мог... Я их понимаю, в какой-то степени, может, это и правда бред всё, но куда тогда делся ребёнок? А? – Антон залпом выпил вторую рюмку, потёр ладонями лицо. – Егор, на тебя вся надежда. Если ты помочь не сможешь, тогда уж никто...

– Лиза. О сестре ты забыл?

– Ей ещё две недели отдыхать.

– Примчится, будь уверен. Думаю, только вместе с ней мы сможем разобраться. А пока... давай фотку посмотрю, скажу тебе... жив ли Макар.

Антон стиснул пальцы на крышке стола так, что побелели суставы.

– Не смей. Так. Говорить! – глухо сказал он. И тут же извинился сконфужено, – Прости, Егор. Я понимаю, ты прав.

Он выложил на стол цветную фотографию. С неё улыбался Егору черноволосый и черноглазый малыш. Очень удачная фотография, лицо крупным планом и пухлые растопыренные ладошки навстречу Егору. Малыш на фотке явно изображал рычащего тигра, выпустившего хищные когти. Егор улыбнулся, положил на фотографию ладонь, глубоко вдохнул, выдохнул, закрыл глаза.

Он долго сидел, сканируя изображение, Антон, сидя напротив, издёргался, нетерпеливо наблюдая за Егором.

– Сразу скажу, – прервал затянувшееся молчание Егор, – Макар жив, скажу больше, ему ничего не угрожает в физическом плане.

– Что? Что это значит?

– Его не собираются убивать.

– А зачем он похитителем? Выкуп? С нас и взять нечего, для чего разыгрывать такую сложную комбинацию?

– Нет. Не похоже на требование выкупа...

– Что же тогда?

– Будь я похитителем, ответил бы, – покачал головой Егор, – А так... разбираться надо. Думать... Ты мне вот что скажи, Антон, Макар в вашем роду первый ребёнок?

– В смысле? В нашем роду много детей рождалось... – не понял Антон.

– Не то... по мужской линии детей ни у кого не было. После снятия проклятия, ты первый в вашей семье, кто стал отцом?

– Да. Рита забеременела практически сразу же.

– Вот тебе и вся мистика.

– Не понимаю...

– Пойдём на воздух выйдем, попробую тебе объяснить... – предложил Егор.

Антон покорно поднялся. Они дошли до беседки, Егор поставил чайник, достал из комода кружки. Он собирался с мыслями, Антон молча наблюдал, не торопил его, понимая, как непросто работать с тонкой материей, с информацией, недоступной обычному человеку.

– Знаешь, – разлил по кружкам растворимый кофе, начал Егор, – Есть такое понятие: ребёнок без судьбы. Не слышал?

– Будто бы... В дневниках деда Тихона что-то было... – вспомнил Антон, обхватывая ладонями большую кружку жизнерадостного цыплячьего цвета.

– Не совсем то. Я так понимаю, у Тихона судьбы не было, поскольку он, в принципе, не должен был выжить, а в случае с Макаром другое... Он способен менять собственную судьбу, поскольку является первым ребёнком после снятия проклятия. Это как... он рождён с нулевой энергетикой. Вроде обычный ребёнок, развивается, как и все, но, что в него вложить, то и будет. То есть, если его воспитывать в среде..., как бы это сказать... – Егор замер на мгновение, пощёлкал пальцами, пытаясь чётко сформулировать мысль, – короче... попади он в руки колдуна, предположим, расти в этой среде, и он вырастет великим колдуном, понимаешь?

– Кажется, да...

– А попади в руки диктатора, страна получит Сталина или Гитлера, к примеру. Я думаю, он и был похищен с определённой целью. Не выкуп им нужен, Антон, а именно Макар. Он для похитителей большая ценность. И, ты не думай, с него пылинки будут сдувать.

– Мне от этого не легче.

– Должно быть легче. Макар жив, а это на данном этапе главное.

– Да, конечно ты прав. Но его же надо искать! Вот как мы в полиции предъявим возможный мотив? Скажем, его колдуны похитили? Да любой мент разве что пальцем у виска покрутит и санитаров вызовет. А ещё проще, сделать виноватыми нас с Риткой. Это же так логично. Никто ничего не видел, свидетелей нет. Вот и будем мы срок мотать, пока из нашего сынишки диктатора растить будут. Ну или колдуна...

– Посадить вас никто, конечно, не посадит, существует презумпция невиновности, но нервы потреплют. Да и мальчика, конечно, искать надо. И в этом вопросе на полицию точно надежды нет.

– А самим-то как? – уныло смотрел в пол Антон. – Зацепок нет...

– Тут ты прав... Надо Лизу вызванивать. Может, ей что увидеть удастся...

– Думаешь?

– А как иначе? У неё огромный потенциал, к сожалению, очень редко используемый.

– Она вне зоны доступа.

– Это не страшно. Лиза сама почувствует всё, что должна. Я просто уверен в этом.

5

Старуха, прижимая к груди ребёнка, застыла на пороге огромной гостиной. Шторы завешаны, полумрак, единственным источником света, не считая чёрной свечи на массивном столе натурального дерева, является жарко натопленный камин, за столом, утопая во мраке, сидит человек. Мужчина. Угадывается только контур, черты лица скрывает густой мрак. Но ей не нужно видеть, она чувствует угрозу, исходящую от него. Страшный человек. Она на своём долгом веку подобных ему не встречала.

– Валентин! – окликнула старуха. – Я выполнила обещание. Вот тебе ребёнок. Тот самый, я проверила. Теперь сдержи слово и ты!

– Хорошо, что принесла, – небрежно кивнул человек за столом. Голос его тёк тяжёлым бархатом, обволакивал, заставлял замирать от ужаса. – Что ж, – он позвал повелительным жестом женщину, застывшую в дверном проёме. – Ангелина, заведи Макара в детскую, – и снова переключил внимание на старуху, беспомощно сжимающую худенькие, высохшие ладони. Стоило выпустить ребёнка из рук, и их сразу некуда стало деть, что доставляло старой женщине большое неудобство

– Валентин, так ты выполнишь обещание? – настаивала на ответе она.

Из тёмного угла бесшумными тенями выплыли два шкафообразных парня. Оба коротко стрижены, оба в тяжёлых кожаных куртках. Валентин нехотя поднялся, обошёл стол, протянул старухе старый кожаный шнурок с болтающейся на нём фигуркой.

– Это?

– Отдай! – проворно протянула руку к шнурку старуха.

– Твоей правнучке это больше не понадобится. – Он щёлкнул пальцами. Парни подошли к старухе, один протянул руку, сомкнув железные пальцы на тонкой старушечьей шее.

– Будь ты проклят! – задыхаясь, прохрипела она. – Будь проклят, нелюдь!

– Я давно проклят, – ядовито усмехнулся Валентин, надевая на шею оберег.

6

Лиза проснулась как от удара. Сердце колотилось пойманной птицей, в голове стучались неясные обрывки сна, девушка полными ужаса глазами озиралась по сторонам и никак не могла взять в толк, где находится. Рядом безмятежным сном счастливого человека спит Кирилл, вокруг – тишина глубокой ночи, чёрное небо с россыпью звёзд за французскими окнами. Греция, отель...

Лиза, стараясь не разбудить мужа, скользнула из кровати, подошла к окну, приоткрыв его, вышла на балкон. Ночь, тишина, шуршание волн по песчаному пляжу, мерцающая лунная дорожка, бегущая по волнам до самого горизонта. Всё хорошо, но вот сердце никак не хочет

поверить в то, что рай на земле вот он – этот отель, любимый человек рядом, дочка... Глупое сердце заходится предчувствием беды.

Что-то случилось. Что-то страшное и фатальное, но где? С кем? И та старуха из сна, древняя как само мироздание... трясущиеся руки, пальцы, сомкнувшиеся на беззащитной шее – откуда это? Что за странный сон! Стоп. Лиза вспомнила. Во сне она видела убийство. Некто, чьё лицо оставалось в глубокой тени, отдал безжалостный приказ, и старуху, которой и так-то жить осталось один понедельник, просто задушили. Спокойно, не меняясь в лице. Не выказывая каких-либо эмоций, будто люди, совершавшие убийство, занимались будничной рутинной и порядком поднадоевшей работой.

А Кирилл всё-таки проснулся. Подошёл неслышно, накинул Лизе на плечи плед, обнял, прижался губами к шее, обжёг прохладную кожу горячим дыханием.

– Что, не спится?

– Сон приснился страшный, – невнятно ответила Лиза.

– Всего-то? – Кирилл был настроен дурачиться и не сразу понял, насколько напугал Лизу страшный сон.

– Кирюш, это не просто сон, – уклонилась от поцелуя она. – Это... не знаю, как сказать. Похоже, мои способности снова проявили себя.

У него была удивительная способность, резко, в считанные мгновения, переходить из одного состояния в другое. Вот только дурачился, пытался ловить губами её губы, и тут же стал серьёзным, собранным. Сел на скамеечку, усадил Лизу рядом, поплотнее укутал в плед, сказал совсем другим тоном, будто потребовал:

– Рассказывай.

Лиза сбивчиво и бестолково рассказала всё, что удалось запомнить.

– Где твой телефон? – не прокомментировав, спросил Кирилл.

– В тумбочке. Но причём здесь мой телефон?

Кир вышел, вернулся с Лизиним мобильником в руках.

– Лизка, сколько раз тебя просил не отключать мобилку! – и удивлённо присвистнул, глядя на экран. – Со старухой, говоришь, беда? А с чего Тоха сто семнадцать раз звонил, и Ритка восемьдесят три. И мама несколько раз звонила.

– Да ну?! – не поверила Лиза.

– Сама посмотри. – Кир протянул Лизе сотовый. – Дома у нас беда, Лиза, дома! И всё это каким-то образом с твоим сном связано. Так... – принял решение он, – Ты попытайся прозвониться Антону, а я билеты заказывать... Отдохнули недельку, пора и честь знать.

– Кир, а твой мобильник? Тебе, наверное, тоже звонили?

– Забыла? Мой мобильник упокоился на дне морском, – невесело пошутил Кирилл. – По нему теперь рыбы с крабами созваниваются.

Когда Кирилл, заказав билеты, вернулся на балкон, Лиза с нулевым успехом тыкала кнопки сотового. Злилась, кусала губы, снова и снова нажимая кнопку вызова. Один номер, второй, третий – и так по кругу.

– Кирюш, – она подняла на мужа полные слёз глаза. – Связи нет, никому прозвониться не могу.

Он подошёл, обнял, поцеловал в макушку.

– Ну, Лиз, так бывает, особенно, когда очень нужно позвонить. Ты... попробуй связаться с Антоном по своим... каналам.

– Как это? – не поняла Лиза.

– Способности свои подключи, свяжись с братом телепатически.

– Всё бы тебе посмеяться! – огрызнулась Лиза. – Знаешь же, я так не умею.

– Не умеешь? – мягко возразил Кирилл, – или просто не пробовала?

Лиза задумалась. Нет, связаться с братом телепатически невозможно, это факт, но что-то же делать надо...

– Кир, ты билеты заказал?

– Да. Завтра... вернее уже сегодня вечером, – задумчиво глядя на светящееся над морем небо, ответил Кирилл, – дома будем. Надо вещи собирать и Польку будить, вылет через три с половиной часа.

– Хорошо, сейчас пойдём собираться... – Лиза смотрела вдаль и задумчиво теребила кисточку на чехле мобильного. – Меня, Кирюш, знаешь, что беспокоит... – медленно и неуверенно проговорила она. – Тот сон. Я видела старуху. Незнакомую. Точно знаю, раньше никогда с ней не встречалась, но... она как-то связана с тем, что происходит, или уже произошло в нашей семье. Вот только связь уловить никак не могу. Что-то... какая-то подсказка лежит на поверхности, я чувствую, но ускользает от понимания...

– Подумай, Лиз... – Кирилл поднял её со скамейки, сел сам, усадил жену себе на колени, пригладил ладонью её растрёпанные волосы. – Вспомни все детали сна. Вслух вспоминай, так проще.

Лиза кивнула, потёрла ладонями лицо, будто этот жест мог помочь ей сосредоточиться, закрыла глаза.

– Комната... – заговорила она. – Очень большая. Скорее всего, она не в квартире, а в частном доме. Это... как кабинет что ли. Стол письменный у окна. Окно зашторено светонепроницаемыми портьерами, комната будто утопает в густом полумраке. Свет идёт только от камина и свечи на столе. И от дверного проёма. Кстати, камин настоящий, мне кажется, во сне я чувствовала запах дыма и слышала потрескивание дров. Точно дом, не квартира... Дальше... Дверь открыли, впихнули в комнату старуху, снова закрыли. У неё на руках ребёнок. Рассмотреть не могу, темно слишком... Что?! – почувствовав, как напрягся Кирилл, воскликнула она. Ей показалось, или Кир, правда, понял что-то, ускользнувшее от её внимания?

– Лиза... я сейчас...

Он вошёл в комнату, вернулся через пару минут с планшетом в руках.

– Зачем тебе планшет? – не поняла Лиза. – Думаешь, кто-то из наших в соцсетях сидит? – раздражённо фыркнула она.

– Вот уж точно нет! – возразил Кирилл. – Я тут подумал... Экстрасенсы часто работают с фотографиями. Ты могла бы попробовать.

– Глупости! – разозлилась Лиза. – Ты прекрасно знаешь, что я не экстрасенс и не умею этого!

– Но лучше сделать что-то, чем совсем ничего, верно? – не сдавался Кирилл. Снова протянул планшет, мягко, но как-то уж очень настойчиво. – Лизунь, родная, ты просто попробуй.

Лиза, тяжело вздохнув, взяла планшет. С фотографии, открытой Киром, улыбались Антон, Рита и Макарка – счастливая семья. У всех троих, на манер индейцев, разрисованы лица углём, у всех троих горят азартом глаза. Фото было сделано совсем недавно, аккуратно перед отъездом Лизы и Кирилла в Грецию. Они тогда всей семьёй на шашлыки ходили.

– Какие они тут счастливые..., – грустно улыбнулась Лиза. – Хорошо. Ты прав, Кирюш, попробовать стоит. Ты можешь остаться, только не смотри на меня так пристально, ладно? Сбиваешь...

Он кивнул, отступил к перилам балкона, замер, облокотившись на решётку, Лиза, снова вздохнув, накрыла фотографию ладонью, закрыла глаза. Кирилл, игнорируя запрет, украдкой поглядывал на жену. Время остановилось. Казалось, Лиза так и будет неподвижно сидеть, склонившись над фото, но нет, привычным жестом заправила волосы за ухо, подняла голову, посмотрела растерянно на мужа.

– Кирюш, там правда что-то случилось, – заключила она. – Тут... такой шквал эмоций, аж захлёстывает. Тоска, боль, растерянность, непонимание, безысходность – что от Ритки, что от Тошки, а вот энергетика Макара не чувствуется вовсе.

– Что ты этим хочешь...

– Да нет! – не дала ему договорить Лиза, будто испугавшись, что, озвучив мысль, Кирилл несчастье притянет, – Он жив, это точно! Просто... энергетика не читается вообще, его как будто в стеклянную колбу поместили, которая ну совсем ничего не пропускает. Не знаю, что это может значить. Могу понять, что с ним всё в порядке в физическом плане, и только... Я посмотрела фотку, где он один, так там фонит всё, сплошные помехи, такое впечатление, будто кто-то глушит сигнал намеренно. Не понимаю.

– Лиза... может, моя версия глупой покажется, но я полагаю, что Макара похитить могли. Недаром тебе старуха снилась с ребёнком на руках. Ты ребёнка не разглядела?

– Ну нет... – неуверенно возразила Лиза, посмотрела растерянно, а в глазах мелькнуло сомнение. – Да быть не может! Зачем? С какой целью? Выкуп? У ребят и денег особых нет... Не бедствуют, но всё же, не того формата бизнес у Антохи. И ребёнок... Не рассмотрела я его. Старуху разглядела хорошо, а вот ребёнка не получилось, он прижимался к старухе, лицо прятал, да и темно слишком... Так что я даже не могу сказать мальчик это был или девочка.

– А я вот не сомневаюсь в своей правоте! – самонадеянно заявил Кирилл.

– Почему я, в таком случае, энергетика Макара не улавливаю? Не знаешь, случайно? Допустим, ты прав. Я не верю, конечно, но допустим. Кто и как может так прятать ребёнка, что я даже его состояние определить не могу?

– А вот этот вопрос, не имеет пока ответа. Ладно... попробуй прозвониться ещё раз кому-нибудь.

Лиза взяла в руки телефон, но вызов снова сорвался.

Лишь утром уже из аэропорта ей удалось дозвониться, причём не до брата, не до Риты, а до Егора. Позвонила ему от отчаяния, с подсказки Кирилла. Он считал, раз Егор даром обладает, то в любом случае звонок ему лишним не будет, глядишь, и подскажет что.

– Лиза! – обрадовался тот. – Как хорошо, что ты позвонила! У нас тут такое произошло!

– Что с Макаром? – не дослушав, выдохнула девушка. – Ты, я так понимаю, в курсе?

– Да. Ты только не волнуйся, Лиз... Макара... похитили.

– Ох! – Лиза чуть не выронила телефон, шепнула Кириллу одними губами: «Ты был прав», и уже в трубку. – Егор, что тебе известно об этом? Выкуп требуют или...

– Или! – не дослушал Егор. – Никаких требований, никаких зацепок, и похищение произошло при странных обстоятельствах. Антон напился с горя, спит у меня на диване, Рита дома осталась у мамы твоей. На успокоительном уже почти сутки. Что делать с ними, я не знаю, оба совсем расклеились. Прилетай уже, Лиз... мне с ними обоими не справиться, – совсем жалобно закончил Егор.

– Егор, мы через сорок минут вылетаем, дома, вернее, у мамы будем ближе к ночи, наверное... Ты не против, если мы сразу к тебе заедем? Думаю, вместе что-нибудь сообразим.

– Само собой приезжайте.

– И ещё... я фотку смотрела Макаркину, не пойму, почему не могу увидеть его. Есть какие-нибудь догадки?

– Есть, Лиза. И если я прав, найти Макара нам будет ох как тяжело. Но об этом не по телефону, слишком долго объяснять. Одно запомни: его жизни ничего не угрожает, у похитителей на него планы.

– Как всё запутано... Ладно. Тогда до встречи. Будем собираться, самолёт через два часа.

7

1870 год

Ася шла по глухому лесу в сторону деревни. Вот уже месяц, как жила она у колдуньи, и выбраться к своим никак не получалось. Изболелось от тоски сердечко, но ослушаться ведьму и просто уйти девочка не могла, боялась, что вернётся хвороба маменькина. Старуха без конца угрожала, то и дело напоминая Асе условия их договора, понимая, что только страх за родных удерживает девочку подле неё.

В тот раз ведьма помогла, что и говорить, научила Асеньку, как от беды мамишку избавить, отогнать злое лихо, в считанные дни поставить измождённую хворью эсеницу на ноги, за то девочка была благодарна ей, но в остальном...

А в остальном жизнь в доме ведьмы обернулась Асе кошмаром. В самом страшном сне девочка не могла увидеть такого. И вроде не издевалась над ней старуха, вести нехитрое хозяйство её – дело для Асеньки вовсе не обременительное, привычное, не белоручка небось, работой не гнушается, но чувствовала девочка, как с каждым днём утекают силы её, и как хорошеет при этом, наливается жизнью старуха.

От чего так? От чего с каждым днём всё хуже и хуже становится? Тоска по дому силы подтачивает? Или же ведьма по капле жизнь из неё вытягивает? Знать бы... Старуха, хоть и брала девочку в ученицы, с обучением не торопилась, всё больше по хозяйству гоняла, да упрекала, ежели не по её что-то выходило. То изба недостаточно жарко протоплена, то соринка на полу обнаружится, то коза не там привязана, то травы сушёные не в том порядке в сараюшке развешаны, то за нерасторопность пеняет. И готовит-то Ася плохо – сколько раз миску полную еды на пол со стола сметала, и всё-то у девчонки из рук валится, а что она едва на ногах держится в жарко натопленной, насквозь провонявшей какой-то ядрёной травой избе, того ведьма видеть не видела. Или же не хотела видеть. В особо прохладные дни помимо обычной печи старуха заставляла Асю топить ещё и буржуйку, девочка то и дело в изнеможении выбегала на крыльцо, и стояла, не в силах надышаться стылым осенним воздухом до тех пор, пока резкий окрик старухи вновь не загонял её в избу.

Спать Ася уходила в сараюшку, втихоря мечтая, чтобы угорела старая карга в адовом пламени раскалённой печи. Чуда не случалось. Едва занималась заря, старуха криком поднимала девочку, отправляла на родник за водой. Ни минутки не удавалось Асе выкроить в ежедневной круговерти бесконечных, подчас ненужных и бесплодных дел, чтобы сбежать до деревни, своих навестить, а старуха о том и слышать не желала, всё грозилась, беду на Асину семью навести. Угрожала со свету сжить не только маменьку, слабую ещё после болезни, а и сестрицу любимую – Зою. Ведь это просто. Достаточно глаза отвести в лесу, когда та по грибы, по ягоды пойдёт, да и заманить в болото, в самую топь. Никто и следа не сыщет.

И боялась Асенька. Плакала ночами, зарываясь лицом в пахучее сено, всё представляла, что может дома случиться в её отсутствие. Ведь месяц минул, срок немалый. Истосковалась Ася, царапался лютым зверем дикий страх в душе. Ей бы весточку из дома получить, только бы узнать, всё ли ладно там. А ну как не сдержала слова карга, и маменьке худо сделалось? А остальные? Батюшка, сестрица любимая, братишки малые... они – пострелята так и лезут всюду, с такими любопытными всегда что-нибудь случается. А бабушка? Она ведь старенькая совсем... И плакала Асенька из ночи в ночь, забываясь зыбким сном лишь перед рассветом, но стоило глаза сомкнуть, тут же поднимала её ведьмица, заставляла работать и угрожала, угрожала изо дня в день.

Сегодня девочка не выдержала, всю ночь просидела она возле сараюшки, глядя в тёмное, хмурое, сыпавшееся на землю колючей моросью небо, и под лопатку кольнуло дурное предчувствие, потянуло домой со страшной силой. Бороться с собой стало выше её сил, Ася вскочила с брёвнышка, подоткнула длинную юбку и бегом помчалась прочь от жуткого места.

Она понимала, что непременно вернётся, слишком велик риск того, что ведьма сотворит лихо её семье. Даже её временное бегство могло обернуться трагедией, Ася осознавала это, но то, что знало её в предрассветный час по лесу, было сильнее страха.

Пусть. Пусть колдунья накажет её, уже неважно, главное узнать, всё ли в порядке дома, увидеть родных, обнять маменьку, сестрицу, растрепать белобрыстые вихры братишек. Да и просто зайти в родной дом, насладиться волшебным запахом свежееиспечённого хлеба, занять своё место за столом. Просто хоть немного побыть там, где ей рады, где её любят и ждут, где всё родное и бесконечно любимое, где басит батюшка, одёргивая сыновей, развоевавшихся в горнице, где лёгкой, неслышной тенью ходит по избе маменька, то доставая котелок из печи, то принимаясь за рукоделие. Где трещит сорокой неугомонная Зоенька, и, пряча смеющиеся глаза, добродушно ворчит на неё бабушка, грозясь отилёпать балаболку.

Дом... Как, оказывается, соскучилась по нему Асенька. Даже по собственному имени соскучилась. За месяц стала забывать, как зовут её, ведь карма просто девкой кличет. Сколько ни говорила ей Ася – без толку. Да что с неё взять, ведьма и есть, даром, что ворожбы не творит. За месяц, проведённый в доме старухи, ни разу не наблюдала Ася, чтобы та хоть как-то способности проявила. Вот только состояние своё девочка объяснить не могла и сопоставить его со странным преобразованием старухи.

Всё чаще кружилась голова, всё сильнее наваливалась усталость, и если поначалу утренний поход за водой казался прогулкой, нынче – трудом непосильным. Аппетит пропал совсем, Асе всё меньше и меньше требовалось пищи, чтобы насытиться: хлебца кусочек, воды глоточек. Силы таяли. Ещё чуть-чуть, она и бадейку с водой поднять не сможет.

А ведьма будто и рада, что ученица её силы день ото дня теряет. Приглядывается к девочке, одобрительно качает головой, довольно потирает ладони каждый раз, когда приступ дурноты выгоняет девочку из избы. Ася догадывается, что та силы у неё забирает, но что делать с этим, понятия не имеет. Как защититься? Уйти? Слишком просто. Мало того, что ей это вряд ли поможет, так ещё и семью своим безрассудным поступком под удар поставит, а этого девочка допустить никак не может.

Скакали в такт её бегу мокрые деревья, едва заметная тропка терялась в предрассветном тумане, но Ася не боялась темноты, не боялась сбиться с дороги, лес больше не пугал девочку. Страх перед ведьмой уничтожил всё, что так пугало раньше, теперь в душе Аси жил только один страх, животный, первобытный ужас перед существом, не поддающимся пониманию. Казалось бы, всего лишь старуха, немощная и внешне совсем не опасная, но было в ней что-то, заставляющее трястись поджилки. Как глянет на Асю колючими злобными глазами, девочка замирает, пошевелиться не в силах, а внутри смерзается липким комком ужас. Теряются слова, путаются мысли, всё её существо занимает страх. Им и питается ведьма, из него и силы черпает, а Ася никак не может переступить через себя, смело взглянуть ведьме в глаза, грубо ответить. Она, будто зверёк, загнанный хищником, сжимается в комок и безропотно ждёт своей участи.

Приступ дурноты накрыл девочку внезапно. Кинул на колени, заставил исторгнуть нехитрый вчерашний ужин пополам с желчью. Тряслись руки, кружилась голова, заходило в сумасшедшем заячьем беге сердечко. Ася всхлинула, утёрла рот мокрым рукавом, с трудом, преодолевая себя, поднялась на ноги. Бежать точно не сумеет, но надо идти. Пусть медленно, пусть еле-еле, но уходит подальше от страшной поляны, от выжившей из ума старухи. И Ася пошла. Задыхаясь, с трудом переставляя одеревеневшие ноги, она двигалась вперёд по едва заметной в хмурой рассветной мороси тропинке.

Силы кончились примерно на середине пути. Ася в изнеможении опустилась на мокрое бревно, резко дёрнула ворот платья. Ей всё казалось, что глухой ворот душит её. Ткань треснула под рукой, но легче не стало, воздуха не хватало категорически, и девочка догадалась, что находится на поводке. Невидимом, но очень крепком. И, чем дальше она будет уходить от домика на поляне, тем сильнее станет задышаться. Но вернуться... Нет, вернуться к ведьме она не в силах. Лучше умереть, задушенной невидимым поводком, чем безропотно подчиняться прихотям злобной старухи, тем более, всё равно ей недолго осталось, ведьма до конца выпьет

все силы, и тогда... тогда наступит смерть. Так есть ли смысл тянуть, продлевая жалкое существование униженного, беспомощного существа?

Ася решительно встала, шагнула на тропу и... столкнулась с вылетевшей из-за ёлки сестрой. Обе завизжали от внезапного испуга, не узнав друг дружку, метнулись было бежать в разные стороны, да осознали, что нет опасности, запоздало сообразили, кого видят перед собой.

– Заинька?! Ты как здесь? – оправившись от потрясения и испуга, дрожащим, срывающимся голосом спросила Ася. Она тормошила, обнимала сестру, не в силах оторваться.

– Фу, Васька! Ну и напугала же ты меня! – вывернувшись из рук сестры, села прямо на мокрую траву Зоя. – Я к тебе спешила, глупая. Дома без тебя тоска. Все будто в тени превратились – ходят, молчат, маменька плачет часто. Всё в оконце глядит, тебя высматривает, а ну как вернёшься к нам. А ты что здесь? – тараторила девочка.

– А я... Я к вам иду. – Ася улыбалась, на сестру глядячи. Как соскучилась она по ней, даже представить себе не могла, а поди ж ты, увидела – и нахлынуло. – Сердечко изболелось. Тоскую я одна. Ну говори скорей, Зойка! Как вы там? Как маменька, батюшка? Как братишки?

– Да всё ладно у нас, – отмахнулась Зоя. – А вот у тебя дела совсем плохи... Худо тебе, сестрица?

– Откуда знаешь? – удивилась Ася.

– Вижу. Ты как будто... занемогла, Асенька? – придирчиво разглядывая сестру, нахмурилась, сведя к переносице соболиные брови, Зоя.

– Ох... не то, Заинька, но... ведьма из меня силы тянет, боюсь... до смерти доведёт.

– Ой! – Зоя часто заморгала, явно собираясь заплакать. – Ты поэтому ушла, да?

– Нет, Заинька, я навестить вас хотела, совсем уйти не могу, страишусь, худо вам сделает карга старая.

– И что же, бороться с ней нельзя?

– Да я и не пробовала.

– Отчего же?

Ася помолчала. Как объяснить сестрице, что ужас, наводимый ведьмой, до костей промораживает? Как рассказать, не то что слово сказать против, она и глаз поднять не смеет.

– Пойдём домой, Заинька. Я родных увидеть хочу. В последний раз... – так и не ответила на вопрос сестры Ася. И о поводке благоразумно промолчала. Будь что будет. Дойдёт, сумеет воспротивиться воле колдуньи – добро, нет... ну что ж, всё равно помирать...

– Отчего ж в последний раз? – резво вскочила на ноги Зоя, засуетилась, хватая сестру за руки. – Ты, сестрица, хоть и старшая, а совсем глупая. Останешься дома, и ничего твоя ведьма сделать не сможет, не достать ей тебя в деревне, она там много лет уж не появляется. Да и старая, не дойдёт.

– Ой дойдёт. Дойдёт и не запыхается. Она за этот месяц изменилась дюже, будто... сил набралась...

Зоенька беспечно махнула рукой, помогла встать сестре. Без её помощи та, пожалуй, и не справилась бы.

– Вась, может, покушаешь? – внимательно оглядывала сестру Зоя. – У меня корзина за ёлкой. Я одёжку тебе несла зимнюю, гостинцы.

– Да, – согласно кивнула Ася и почувствовала, как сжался в голодном спазме пустой желудок. Давненько она голода не испытывала, и забыть успела, что это такое. – Я бы поела...

Вот уже двое суток бесцельно бродила Яся по чужому городу. С утра шёл мелкий холодный дождь, пришедший на смену заморозкам. Никак зима не уймётся, всё нападает и нападает чередой циклонов, ей всё едино, что декабрь на дворе, что апрель.

Яся замёрзла так, как, пожалуй, никогда ещё не замерзала. Холод пробирал до костей, и согреться не представлялось возможным. Девочка попыталась сесть в электричку, но уже на следующей станции контролёры выставили её из вагона. Она зашла в автобус, но кондуктор потребовала деньги за проезд. Яся в умоляющем жесте сложила ладошки, подняла на неё полные слёз глаза, прошептала почти беззвучно:

– Пожалуйста, не выгоняйте, дайте погреться...

Кондуктор только ухмыльнулась презрительно, бросила сквозь зубы:

– Да если вся голытьба греться в автобусах будет... А ну! Иди, иди отсюда!

Яся подчинилась. Спрыгнула с подножки навстречу холодному, равнодушному городу, поплелась по улице мимо ярких витрин магазинов. Можно, конечно, зайти в продуктовый магазин, погреться, но там слишком сильно напоминает о себе голод, да охранники шагу ступить не дают, наблюдают, как бы ни стянула чего. А она не воровка, сроду чужого не брала. Только вот сейчас денег у девочки не было даже на булочку. Как-то в суматохе забылось всё – и деньги из дома не взяла, и документы оставила...

Идея пуститься в бега на поверку оказалась не самой лучшей. Ну вот с чего Яся взяла, что те, кто убил маму, откроют охоту и за ней тоже? Ведь два часа она под окнами стояла, и ничего подозрительного не заметила. Никто не бросился из-за угла, не схватил, а наблюдали... это да, Яся чувствовала чужой взгляд на себе. Ровно, как и опасность, витающую в воздухе.

Надо было отсидеться у Генки пару дней, осмотреться, а там... А что там? В детский дом? Там наверняка лучше, чем по улицам болтаться. Может... вернуться?

Но ведь и до родного города добраться надо, а проскочить мимо контролёров в электричке Яся не надеялась.

9

Рита готовила ужин на маленькой кухоньке в доме Егора. Она казалась абсолютно спокойной, однако, это было не так. Отчасти, Ритина заторможенность была вызвана огромной дозой успокоительного, принятой накануне, отчасти тем, что надо было как-то держаться. Макарка жив, у Риты нет повода сомневаться в словах Лизы и Егора, ему никто не угрожает, а найти его... дело времени. Слабое утешение для матери, потерявшей дитя, но он жив, с ним всё хорошо, а раз так, они обязательно найдут его.

Антон подозрительно косился на жену, ему ли не знать, насколько непредсказуема Рита, вот сейчас стоит, режет овощи, молча, на автомате, а в следующую секунду вполне может сорваться в неконтролируемую истерику. Он с нетерпением поглядывал в окно, ожидая приезда Лизы и Кирилла, ему казалось, что присутствие Лизы должно сбалансировать хоть как-то состояние Риты, она поддержит, расскажет, что с Макаром всё в порядке, а потом они все вместе подумают, как искать мальчика. Почему-то ему казалось, что с приездом сестры проблемы иссякнут сами собой, и Макар сам на крылечко взберётся, постучит в дверь пухлым кулачком... Ерунда, конечно, так не бывает, но Антону куда спокойней станет, стоит приехать сестре.

Размеренно стучал нож по разделочной доске, Рита резала, наверное, уже десятый помидор, а Антон смотрел и не смел вмешиваться, он буквально слился со стеной, стараясь не попадаться жене на глаза.

– Зачем ты остановил машину? – спросила она его утром, едва очнувшись от тяжёлого дурманящего сна, а в глазах её, мутных спросонья, стояла ненависть. Антон отшатнулся.

– Рита... мне нечего ответить тебе на этот вопрос, – пожав плечами, растерянно пробормотал он, став похожим на нескладного старшеклассника, вызванного строгим учителем к доске, и Рите стало отчаянно жаль его. Всхлипнув, она качнулась к мужу, обняла его, хлы-

нувшие слёзы вмиг промочили рубашку... Ну в самом деле, обвинять мужа в том, что не смог противостоять внезапному воздействию гипноза глупо, тем более, что и сама в ступор впала. А ведь именно она, Рита, сидела на заднем сиденье рядом с Макаром. Не уберегла...

А теперь Рита резала помидоры. Нет, этот процесс необходимо остановить, Антон отлепился от стены, бесшумно подхватил миску с остатками овощей, поставил её на холодильник. Рита даже не заметила, так же, на автопилоте, взялась резать хлеб. Порубила весь батон, скинула с разделочной доски в блюдо с помидорами. Замешкалась, застыв в нерешительности, перевела беспомощный взгляд на Антона.

– Тош, я делаю что-то не так...

– Ничего, любимая, – подхватился Антон, выхватывая из блюда ломтики хлеба, – Это ерунда всё, мы справимся.

– Ты уверен? – Рита смотрела строго и пытливо. Ясно же, не судьбой хлеба интересуется.

– Да, – последовал короткий ответ.

Кивнув, девушка принялась отлеплять налипшие на мякоти помидоров хлебные крошки. Отлепляла, отлепляла, досадливо передёрнула плечами, шагнула к раковине, подхватив блюдо. Действительно, проще промыть все овощи сразу, чем отлеплять крошки по одной...

Давно стемнело, угомонились Егоровы детишки, заснув в своей комнате на чердаке, плыл по двору запах жареной на мангале рыбы, всё чаще замирали возле окна то Рита, то Антон, то Егор. В маленьком доме стояла гнетущая тревожная тишина. Слышно было, как скользит по циферблату настенных часов плавающая секундная стрелка, как тикает в комнате, нарушая вязкую тишину, напольный монстр – старинные немецкие часы с маятником цвета мутного золота, как летает по кухне, ударяясь о стены, одуревшая после зимней спячки муха. Тихо и сонно в доме. Бесшумно как тени передвигаются по дому люди, замирают по очереди у окна, вглядываясь в темноту двора, разгоняемую едва-едва лишь светом фонаря над крыльцом.

И всё изменилось вдруг. Заурчал мотор подъехавшей машины, резко обернулся Антон.

– Приехали! – и первым бросился к двери.

Рита не пошла встречать гостей во двор, осталась в комнате, не в силах сделать и шагу. Так и стояла в двух шагах от выхода, с тоской глядя на дверь.

В комнату ворвалась Лиза, за ней Поинка, и тут Риту снова прорвало. Она бросилась к подруге, уткнулась лицом ей в плечо, хоть это и нелегко было сделать, учитывая, что Лиза ниже сантиметров на двадцать, и зарыдала, вцепившись руками в худые плечи подруги. Мужчины в замешательстве застыли поодаль. Егор предпочитал не вмешиваться, Антон... устал за эти дни, он не знал, как успокоить жену.

Не растерялся только Кирилл. Он решительно отцепил Ритины руки от Лизы, мягко отстранив жену, встряхнул Риту так сильно, что голова девушки мотнулась в сторону, и, поймав рассеянный взгляд, заговорил грубо и резко.

– Уймись, истеричка! Прекрати изводить окружающих!

Антон дёрнулся было, вступить, но Егор, поймав за руку, задержал его. Приложил палец к губам, призывая к молчанию.

– Как ты не понимаешь?! – голосила Рита. – У меня ребёнка похитили!

– И что?! Изображая сирену, ты сможешь что-то изменить?! В руки себя возьми! Немедленно!

Лиза, распахнув глаза, смотрела на мужа и не узнавала его. Таким жёстким, решительным и... страшным она его ещё никогда не видела. Даже не подозревала, что Кир, её Кир может быть таким. Он, конечно, имеет недостатки, ведь не бывает людей идеальных – самоуверенный, подчас даже излишне, болезненно воспринимает критику в свой адрес, старается во всём и всегда быть первым, и контролировать всё, что может охватить своим вниманием. Сколько раз Лиза пыталась втолковать ему, что не стоит так тщательно контролировать сотрудников на

работе, так нет же, Кирилл умел доверять только себе, а окружающих не упускал из виду, всё время мягко и незаметно проверял.

А Рита... Рита всхлипнула ещё пару раз и как-то разом обмякла. Ссутулились плечи, обрели осмысленное выражение глаза.

– С-спасибо... – медленно и с запинкой проговорила она, бессильно опустила в кресло, стиснула ладонями подлокотники.

– Так-то лучше, – усмехнулся Кирилл, снова становясь самим собой.

– Хорошо тебе говорить, – завёлся Антон, его очень задела неожиданная реакция Кирилла. Он ожидал сочувствия, и не дождался его. – А когда твоя Поинка пропала, вспомни, как ты себя вёл...

Кирилл стоял у стола, тяжело опираясь кулаками о его край. Он ни на кого не смотрел, казалось, даже не слышал ни слов Антона, ни упрёка, звучащего в них. Отвечать, во всяком случае, не торопился. Антон, выдержав паузу, продолжил.

– А моего ребёнка похитили! – воскликнул он. – Похитили! Понимаешь?!

– Вот именно! – Кирилл резко обернулся, глаза его полыхали гневом. – И надо думать, как выручить пацана, а не ныть! Что здесь происходит вообще?! В руки себя возьми, ты ж мужик, в конце концов! И жену встряхни, хватит уже убиваться как по покойнику! Макар жив, с ним всё хорошо, и помочь ему только мы можем!

Они стояли друг против друга, у обоих горели глаза, оба, каждый уверенный в своей правоте, сейчас почти ненавидели друг друга – это было молчаливое противостояние, своеобразная дуэль – кто отведёт взгляд? Кто сдастся?

Уступил Антон. Вдохнул тяжело, хлопнул Кирилла по плечу:

– Конечно ты прав, дружище... – устало выдохнул он, опускаясь на подлокотник кресла и обнимая жену. – Я расклеился, это непозволительно... просто... так сразу всё навалилось...

– Выдюжим, Антоха. Не горюй, найдём мы твоего парня. Вы вообще предприняли что-нибудь?

– Да нет... – замылся Антон и почувствовал, как наливаются малиновым цветом уши. Прав Кирилл. Что-то он и впрямь расклеился.

– Понятно... – Кир с досадой пожал плечами и отошёл к окну. – Вы горевали.

– А что делать надо было? Менты нас подозревают. Ты представляешь?! Нас! Будто мы сами избавились от него... И обстоятельства похищения слишком уж... странные. Следов нет! Как искать? Где искать?

– Так! Не кипешуй, Антоха. Давайте поедим, а то мы с утра ничего не ели, домой на пять минут заехали, только машину взять. Поедим, а потом уж и думать будем.

Антон недоумевал. Как Кирюха может думать о еде, когда тут такое?! Но Рита первая поднялась из кресла, прошла к столу.

– Ты прав, Кир, давайте поедим, – согласилась она. – У вас Поинка не кормлена... Потом её спать уложить надо, поздно уже.

Полина фыркнула. Поздно... Она, бывало, и до утра засиживалась, если книга интересная попадалась. Она для своих восьми лет была очень начитана и сообразительна. Программу второго класса освоила ещё в ноябре, почему и отпустили её учителя с лёгкостью в отпуск с родителями. В школе девочке было невыносимо скучно, и, если бы не шалости, совсем бы заскучала, но, подвижная и шкодливая, она вечно что-то выдумывала и при отличной учёбе по поведению стабильно имела «тройку». Дневник был исписан замечаниями, родителей нет-нет да и вызывали в школу.

Невесёлый был ужин. С аппетитом ел только Кирилл, ну уж такая у него особенность. Война войной – обед по расписанию. Остальные косились на него подозрительно, даже с неприязнью: ну как можно есть, когда такая беда свалилась?! Или... ему всё равно? Но вот закон-

чился ужин, Рита с Лизой отправились на кухню мыть посуду, Кирилл вооружился большой кружкой с горячим кофе, задумался.

– Егор, – отхлебнув кофе, обратился Кир к экстрасенсу, – Скажи мне, может, я чего не понимаю, но мне кажется, технически невозможен гипноз на расстоянии. – Оказывается, пока ел, Кирилл размышлял о том, что казалось сейчас важнее всего.

– Правильно мыслишь, – вздохнул Егор. – Я тоже об этом подумал. И да, ты прав, это невозможно. Потому я и решил провести свой собственный гипнотический сеанс, чтобы понять, где прилипла программа.

– Получилось?

– Да. Выяснилось, что ребята совсем не помнят то, что было накануне. Вернее, помнят, но до определённого момента, а дальше всё – чистый лист у обоих. Ну... я и вернул их по очереди в тот день.

Кафе находилось в самой глубине парка и пользовалось огромной популярностью. Летом даже столики дополнительные приходилось выносить на улицу, и всё равно мест не хватало. В парке кафешек и забегаловок было полно, но гуляющие неизменно шли в «Берлогу» и очень расстраивались, когда не находили свободных мест. Кафе и впрямь выглядело берлогой, дизайнеры постарались, построили странное неказистое на первый взгляд сооружение с низкой покатой крышей, упирающейся в землю, и одним единственным входом. Люди посмеивались, глядя на уродливую постройку, а строители, не обращая внимания на смешки, обкладывали крышу дёрном. В результате «Берлога» получилась настоящей берлогой, разве что медведя не заселили, а в общем... холм и холм, ничем не отличающийся от окружающей среды, что зимой, покрытый снегом, что летом, заросший травой, а внутри – уютное кафе, вкусная пища, ну а главное – непередаваемая атмосфера добра и понимания.

Антон толкнул двери, пропуская вперёд жену, зашёл сам, огляделся, заметил свободный столик почти у самой двери. Ну хоть так, обычно днём свободных мест нет. Посадив Макара в детский стул, Антон снял куртку, повесил на спинку стула, кивнул официанту, положившему на стол меню.

И тут дверь снова открылась и в зал вошла старушка. Совсем старая, дряхлая даже, высохшая – она растерянно озиралась, будто не понимала, как попала сюда, и что делать дальше, и всё теребила трясущимися руками когда-то белый, а теперь пожелтевший от времени платочек.

Антон окинул взглядом кафе. Свободных мест нет. Ни одного. Только за их столиком стоит ещё один стул.

Старушка, как оказалось, тоже этот стул заметила, подошла несмело, коснулась Ритиной руки:

– Дочка, можно я к вам присяду? Отдохну...

– Да... Конечно, – выдвинула стул Рита.

Рядом неслышно вырос официант. И Рита, и Антон его даже не заметили, а старушка подняла на него глаза, вздохнула:

– Сынок, мне б воды стакан...

– Но... – попытался возразить мальчишка, и осёкся, остановленный повелительным жестом Антона.

– Ты готов принять заказ? Записывай! – бросил Антон. Уж очень не понравилось ему, что официант намеревался выставить из кафе бабушку. И он сделал заказ. На всех.

Потом бабушка, без конца утирая слёзы платочком и, явно стесняясь своей беспомощности, медленно ела куриный суп и что-то рассказывала. И так жалко её было, что сердце рвалось у обоих, хотелось сделать для неё что-то хорошее, да вот что...

Ребята слушали неспешный рассказ старушки очень внимательно, забывая о еде, остывающей на тарелках и о странно притихшем сынишке, но вот в чём загадка – ни Рита, ни Антон

так и не смогли, даже под гипнозом вспомнить, что именно говорила она, из всего рассказа только место запомнилось определённое, а что с ним связано – неизвестно.

– А что они без гипноза помнят? – поинтересовался Кирилл, когда Егор закончил рассказ.

– Так ничего. У обоих воспоминания обрываются на том фрагменте, где Антон дверь в кафе открыл. И вот в чём фокус... Макар пропал в том самом месте, о котором твердила старуха. Это, не доезжая двух километров до деревни Староверово, там ещё церковь разрушенная через дорогу.

Кирилл кивнул.

– То есть программу им заложила именно эта старушка, верно? И сработала программа, как и задумывалось?

– Так и было. Ровно в том месте на обоих как затмение опустилось, разом сознание выключилось.

– Выходит... – Кир задумался. – Всё было спланировано заранее?

– Выходит так, – подтвердил Егор. – Даже не сомневаюсь в этом.

– Егор, у тебя есть карта области?

– Есть. Но зачем тебе?..

– Позже. Доставай карту. Нужна большая, чтобы уложить на неё весь путь от города до города.

– Из пункта А в пункт Б... – пожал плечами Егор. – Ну если тебе это чем-то поможет...

– Поможет. Лиза! Иди к нам, родная, думаю, твоя помощь будет неоценимой.

Все склонились над разложенной на столе картой, Кирилл, вооружившись цветным маркером, прокладывал путь.

– Антон, в какой точке произошло похищение? Где эта деревня? Её, кажись, на карту нанести забыли...

– Где-то тут..., – неуверенно ткнул пальцем в карту Антон. – Вот же она...

– То есть где-то посередине...

– Да к чему это всё, Кирюх?! – не выдержал Антон.

– Всё просто. Не из Москвы же сюда они приехали за вашим ребёнком, скорее всего местные. Если исходить из точки, где произошло похищение... получается, что Макар может быть...

– Где угодно, – закончил фразу Егор. – И в вашем городе, и в моём, а также в любом другом по ходу следования.

– Правильно. Но таких пунктов не очень-то и много, верно?

– И что? Мы будем приезжать в каждую деревню, ходить по улицам и в каждый дом заглядывать? Хорошо, если деревня, а города?! – вдребезги разбивал предположения Кирилла Антон. – И потом, его могли похитить и те, кто вообще не проживает в нашей области.

– Точно! Приехали именно за ним с другого края географии! Нет, Антох... Они определённо знали, что именно этот ребёнок нужен, никакой другой, иначе не стали бы такую сложную схему изобретать. А значит... владели информацией. Ну а информацию они могли каким-то образом получить либо у нас в городе, либо здесь... но скорее всего...

– «Здесь»... – вдруг раздался в голове Лизы старческий шелестящий голос и сухонькая старушечья рука, появившись из ниоткуда, ткнула узловатым пальцем в точку расположения родного города ребят. Лиза охнула, подняла глаза на старуху, пробормотала, – Да ну не может быть! – и, повинувшись требовательному жесту призрака, двинулась к выходу.

– Вот! – улыбнулся Кирилл, – Чего-то подобного я и ждал.

– А почему я никого не увидел? – расстроился Егор.

– Видно, посетитель захотел иметь дело именно с Лизой. Карта, думаю, нам больше не нужна. Лизе указали путь.

Вот только умолчал Кирилл о том, что и он что-то увидел. Или показалось? Ведь он не обладает способностями... Но возле Лизы явно был кто-то ещё, тень мелькнула, невнятная, замеченная боковым зрением. Нет... Кирилл потряс головой, приводя в порядок мысли. Нет. Не мог он ничего видеть. Просто ожидал явления призрака, а богатая фантазия нарисовала рядом с Лизой чужую тень.

Лиза следом за старухой вышла на крыльцо, остановилась, повинувшись повелительному жесту.

– Я вас узнала, – сухо сказала она. – Это вы похитили Макара. Я во сне видела. Один вопрос: зачем?

– *«Выбора у меня не было»,* – тяжело вздохнув, ответила старуха. – *«Я спасала внучку. У них был её оберег. Я надеялась...»*

– Спасли? – не скрывая сарказма, хмыкнула Лиза, невежливо перебив собеседницу.

– *«Нет. Она уже была мертва. Я не знала.»*

– Зачем вы здесь?

– *«Хочу исправить ошибку. И ещё... У моей внучки, оказывается, есть дочь. Её надо найти и вернуть ей то, что было украдено.»*

– Оберег?

– *«Да. Без него она погибнет. Этот оберег передаётся по роду из поколения в поколение. От матери к дочери, по достижению ею двенадцати лет. Девочке почти двенадцать. Времени не осталось. А оберег сейчас на шее Макара. Потому и не можете найти мальчика, оберег прячет его...»*

– Кому понадобился Макар? И для чего?

– *«Он называет себя колдуном, но сил колдовских я в нём не почувствовала, он скорее психолог. Очень хороший. Обладает навыками гипноза и невероятным умением влиять на людей. Представился Валентином, но я уверена, что имя не настоящее. Совсем не подходит оно ему. Макар необычный мальчик, он первый в роду после проклятия, он рождён с чистой судьбой. Колдун планирует, хотя это только мои домыслы, воспитать из него себе подобного, только с огромным потенциалом.»*

– То есть Макару ничего не угрожает?

– *«Пока нет.»*

– Почему пока?

– *«Он маленький, учить его пока нет возможности. До поры с него пылинки сдувать будут.»*

– Я поняла. Как он узнал о Макаре?

– *«Случайно. Кто-то рассказал ему историю вашего рода.»*

– Получается, он с нашего города... Эту историю вообще мало кто знает. Куда вы отвезли мальчика? Мне нужен адрес.

– *«Не знаю. Только город. Увидела случайно... Мне глаза завязали.»*

– Зачем? – пожал плечами Лиза. – Если планировали вас убить? Мёртвые свидетели обычно ну очень молчаливы.

– *«То-то и оно, что обычно... Мальчонка ваш коснулся меня ладошкой, и я его глазами табличку с названием города увидела. Повязку сняли в доме. Дом частный, но я не уверена, что Валентин там проживает, так что... помощи от меня вам чуть»,* – снова вздохнув, закончила она.

– Ваша правнучка... она где?

– *«Не знаю, деточка. Но ищут её. Внучку звали Рудакова Дарина. Дочь её... я не ведаю... Если прервётся род, оберег в полную силу на нового хозяина работать начнёт. Пока дочь Дарины жива, оберег дремлет, не признаёт нового хозяина. Вы должны найти девочку раньше, чем это сделает он, иначе... он убьёт и её.»*

– Как оберег работает?
– *«Защищает. От любой ворожбы. Но не только. Он привязывает к себе, может и убить, если потеряет его хозяин».*

– А выглядит как?

– *«Медведь из дерева вырезанный, в ошейнике серебряном. Пора мне, Лизонька, тяжело мне здесь. Совсем не уйду, коли смогу помочь, явлюсь... а вы уж не сердчайте на меня, и кошку мою, Маруську, не обижайте».* – Сказала и растворилась в стывшем воздухе.

Лиза, постояв на крыльце, вернулась в дом. Тут же, как по команде смолкли разговоры, все смотрели на Лизу в тревожном ожидании информации.

– Сразу скажу, не очень-то мы продвинулись в расследовании, – вздохнула девушка. – Макара увезли в наш город, похитили по приказу какого-то колдуна... ну или типа того, он, судя по всему, очень влиятелен, раз решился, но алчен без меры и обладает жадной неограниченной властью. Для того, собственно, и понадобился ему Макар. Ты, Егор, правильно предположил, он обладает чистой судьбой.

– Кто приходил? – спросил Кирилл.

– Старуха, которая похитила Макара.

– Зачем она это сделала?

– Оберег. Ей необходимо было вернуть в семью оберег. Её обманули. И если верить её словам, то человек, заказавший похищение, обладает весьма скромными способностями.

– И что? – не понял Антон, – Она к нам за помощью пришла?! – он закипал, чувствовалась ярость, звеневшая в голосе. – С какой стати?! Она моего сына похитила! И отдала его неизвестно кому!

– А с такой, – возразила Лиза, – что оберег этот на шее нашего Макарки теперь. Именно он и скрывает его от нас. Мысли есть у кого, что нам дальше делать? – она смотрела на Кирилла, именно от него ожидая какого-то решения.

– Есть, – живо откликнулся тот. – Нам надо вычислить всех, кто в нашем городе занимается магией и экстрасенсорикой. Половина из них шарлатаны, конечно.

– Процентом девяносто-девяносто пять, – поправил Егор.

– Да. Но на лбу у них это не написано. Проверять будем всех.

– Так же отмечаем женщин, – внёс предложение Антон.

– Нет! – снова возразил Кирилл. – Этот колдун мог являться просто посредником, ведь если верить старухе, он вовсе не колдун.

– В этом случае не было резона убивать старуху, – с сомнением покачала головой Рита.

– Резон есть всегда. Уберёшь слабое звено – разрушишь цепочку, убив старуху, они обрубили концы. И тебе, Рита, это хорошо известно.

– Но в этом случае, получается, у нас нет шансов?

– Рит, ты следователь или где? Включи мозги! – грубо оборвал Кирилл. – Шансы есть всегда, и мы найдём Макара.

– Ну хорошо, – сопротивлялась его логике Рита, – Вычислим мы всех, что дальше?

– Дальше... – Кирилл задумался. – Проверять будем.

– Нам ещё девочку найти надо, – подала из-за двери голос Полина.

– Поalinkа! Опять подслушиваешь, негодница?! – рассердился Кирилл, но девочка-то видела, не всерьёз сердится, напускное. Она решительно покинула своё убежище.

– Девочка ни в чём не виновата, и мы должны помочь ей, – решительно заявила Поля.

– Я согласна с Полиной, – кивнула Лиза. – Ей опасность угрожает. От тех людей, что Макара похитили. Девочке защита нужна.

– Нам сына найти надо! – шепнула Рита. В голосе её звенела ярость.

– Разумеется. И мы обязательно его найдём. Но и девочку без помощи не оставим.

– Будем отвлекаться на неё?

– Не отвлекаться! – отрезала Лиза. – Искать. Обоих детей. Ясно? А теперь расходимся по койкам! – распорядилась она. – Завтра мы едем домой, нам предстоит тяжёлые времена. И кстати, Рит, кошку зовут Маруськой. Не выгоняй её, она-то уж точно ни в чём не виновата.

– Не буду, – вздохнула Рита. – Кошка очень ласковая, куда уж её... пусть у нас живёт.

– Вот и решили. Тогда всем спать.

И все как-то послушались, начали разбредаться по комнатам, и вскоре затих старый дом.

Засыпая, Кирилл пробормотал сквозь сон:

– Завтра с утра Троицкому позвоню.

– Зачем? – шепнула Лиза.

– Думаю, Риту с Антоном из игры исключать придётся, наверняка этот перец, что Макара похитил, всё о них знает, а одному мне не справиться. Думаю, Глеб именно тот человек, кто сможет нам помочь.

– Ну если ты так считаешь... – Лиза зевнула, повозилась, устраиваясь поудобнее на чужом диване, уткнулась носом в ключицу мужа. – Кирюш, давай уже поспим, – сонно пробормотала она и засопела.

– Спи, Лизунь, – зарываясь лицом в мягкие волосы жены, прошептал Кирилл, – сегодня был трудный день...

Глеб Троицкий был лучшим и, пожалуй, единственным, другом Кирилла. Они были обречены на дружбу с самого рождения. Дружили их бабушки, обе рано выскочили замуж, почти одновременно родили дочек. Одна назвала дочку Ниной, вторая Верой.

Девочки с детства были неразлучны. Жили в соседних подъездах, вместе ходили в ясли, потом в детский сад, потом в школу. Нина была единственным ребёнком в семье, Вера – старшей дочерью в многодетном семействе. Нина жила в достатке, но не в излишестве, родители, хоть и могли баловать девочку, придерживались в воспитании строгих правил, и ничто не отличало профессорскую дочку от одноклассников. Да и не избалована она была – скромная, тихая, прилежная, хозяйственная. Её уважали одноклассники, выделяли как хорошую ученицу учителя, и тем более странным стал для родителей выбор профессии дочери. Вместо того чтобы по стопам, поддержав династию, пойти в медицину, девочка, окончив восьмой класс, пошла в торговый техникум. Родители побурчали, конечно, но в этой семье было принято уважать как чужое мнение, так и выбор. А посему и смирились родители с выбором дочери.

Вера, тут пути подружек разошлись, поступила в училище, выбрав профессию парикмахера.

Разные учебные заведения не стали, как это часто бывает, помехой в общении, девушки продолжали дружить. Часто бывали друг у друга в гостях, проводили вместе все свободные вечера, много гуляли.

Позади осталась учёба, Нина начала работать в большом гастрономе товароведом, Вера по распределению, как лучшая ученица, попала в очень хорошую парикмахерскую. А потом, на весёлой студенческой свадьбе одноклассницы, девушки познакомились с закадычными друзьями Виктором и Борисом. И закрутилось... сначала они встречались все вместе, вчетвером и только через полгода разбились на пары, а ещё через год с разницей в две недели отгуляли свадьбы. Вера вышла замуж за высокого чуть нескладного деревенского паренька Бориса, Нина за Виктора. Родители выбор дочери одобрили – ещё бы, парень их круга, генеральский сынок, к тому же, воспитанный в строгости, интеллигентный, образованный, ну а то, что дело отца не захотел продолжать – так не каждому военным быть, не каждому войсками командовать.

И вот уже мечтали девушки, как будут гулять с колясками, как будут дружить их дети, как они отправят малышек в школу... Вера, и правда, через год родила мальчишку, ещё через полтора девочек-двойняшек, а Нина... у них с мужем как-то не получалось, хотя оба страстно мечтали о ребёнке.

В тот момент дружба между подружками почти сошла на нет, хотя они, как и прежде жили в соседних подъездах. Вера переживала за бездетность подруги, полагала, что больно ей смотреть на её детишек, да и закрутилась совсем с тремя-то детьми, а Нина старалась избегать общения с Верой, не завидуя, нет, просто... чужое материнское счастье слишком сильно напоминало о собственной беде.

Прошло пять лет. Долгих пять лет, для одной в домашних хлопотах и заботах о многочисленном семействе, для второй в уютном, но таком неполноценном, семейном мирке. Но однажды Нина сама пришла к подруге в гости. С огромным тортом, подарками для мелюзги, а сама, ну просто светилась от счастья.

– Вера, – с порога заявила она, – Сбылось!

– Ой! Как же я рада за тебя, подруга! – и тут же, зажав рот ладонью, умчалась в туалет.

Летом, с разницей в три недели подруги родили мальчиков. Вера назвала сына Глебом, Нина Кириллом.

Мальчишки росли абсолютно разными – Глеб серьёзным, обстоятельным, а Кирилл слишком подвижным, непоседливым, озорным. Но, тем не менее, мальчики крепко сдружились ещё в колясочном возрасте. Они будто дополняли друг друга, то, чего не хватало одному, в избытке имелось у другого. Они с полуслова понимали друг друга, у них были одни интересы. Всё что ни делалось, делалось вместе, будь то школьные уроки или увлечения, захватывающие мальчишек с головой. В школе мальчиков в шутку называли Петров и Васечкин, уж очень напоминали они небезызвестных героев детского фильма. Глеб крупный, самый высокий в классе, серьёзный, молчаливый. Кирилл, напротив, до четырнадцати лет был маленьким, худеньким, вёртким и непоседливым, но он лучился безграничным обаянием, ему даже заслуженные двойки учителя никогда не ставили в журнал, рука не поднималась.

Друзья вместе пошли заниматься спортом, выбрав сначала гимнастику, потом секцию боевого самбо, оба дошли до мастеров спорта, вместе бредили фотографией и увлечённо щёлкали фотоаппаратами направо и налево, а потом сидели в тёмной ванной, как правило, на квартире у Кирилла, там было свободнее, проявляя плёнки, печатая фотографии. В шестом классе, благодаря всё тому же увлечению фотографией начали зарабатывать деньги. Снимки случайно увидела школьная учительница мальчишек, спросила, кто снимал, задумалась и... предложила им поснимать на утреннике её дочки в детском саду. Сарафанное радио работало исправно, скоро у друзей появился стабильный заработок. Но и тут мальчишки различались: Глеб складывал заработанные денежки в копилку, Кирюша баловал подарками родителей и одноклассниц, покупал себе всё, что хотелось – деньги разлетались мгновенно, но мальчишка не жалел их.

Подросшие друзья, едва достигнув восемнадцати лет, вместе пошли в автошколу, вместе получали права, вместе поступили в институт, выбрав учебное заведение, соответствующее давней мечте – оба хотели стать журналистами. Глеб пошёл на курсы экстремального вождения, Кирилл тут же увязался за ним. При этом, они никогда не становились соперниками: в спорте выступали в разных весовых категориях, в увлечении фотографией каждый видел что-то своё: Глеб снимал в основном пейзажи и архитектуру, Кириллу были интересны люди. Между ними не было зависти, злости, недопонимания – всего того, что отравляет дружбу, медленно, но верно превращая её во вражду. Вот такая жизнь была у друзей – одна на двоих. Они всё друг о друге знали, доверяли секреты, душевные метания, но, когда Кирилл, избалованный вниманием девчонок, вдруг не на шутку увлёкся Виолеттой, Глеб воспринял его влюблённость в штыки.

– Кир! Это всего лишь цепная реакция! – бесновался он, пытаясь доказать другу, что тот совершает ошибку. – Все от неё без ума, и ты туда же! Как барашек, что в стаде ходит! Посмотри же ты на неё!

– Смотрю, – беспечно улыбался Кирилл. – Она чертовски хороша! Красивая. Необыкновенно красивая!

– Да тьфу на тебя! Неужели ты настолько слеп, что очевидного не видишь?! Она же как... льдина. Нафига тебе замороженная глыба нужна?! Ни тепла от неё, ни ласки.

– Глебка, ну не прав ты... – щурясь на весеннее солнышко, вяло отбивался Кирилл. – Ви хорошая, просто серьёзная слишком.

– Просто крепость она непокорённая, да, дружище? Все девчонки от тебя млеют, одна она холодна, вот и возник спортивный интерес покорителя, не так ли? – подначивал друга Глеб.

– А если и так? – Кирилл даже и не думал смущаться и отрицать очевидное. – Мне не приходилось добиваться внимания, а это, согласись, скучно. Всё равно, что рыбачить в ведре полном рыбы, бери себе голыми руками, и не заморачивайся, а Ви... её добиваться надо. Раньше меня задевало, да, что она меня не замечает, теперь же... Я люблю её, Глебка.

– Ой ли? – сомневался Глеб.

– Правда. Никогда с такими сильными чувствами не сталкивался.

– Ну-ну... И что же, жениться готов?

– Не поверишь... Готов. И обязательно женюсь на ней.

– Ну и дурак.

– Пусть так, – легко соглашался Кир. – Но я хочу на ней жениться!

А потом их пути разошлись. Кириллу отец оставил бизнес, и парень, ещё не закончив учёбу, ударился в коммерцию, Глеб же остался верен своему выбору, стал военкором, объездил весь мир, побывал в таких передрыгах, что даже вспоминать страшно было. В родном городе он бывал редко, наездами, но обязательно по приезду первым делом связывался с другом. Глеб так и не женился, не до того как-то было, но успел искренне привязаться к дочке Кирилла, баловал её дорогими подарками и вниманием. И если первую жену Кира Глеб на дух не переносил, Лизу одобрил сразу, стоило лишь взглянуть на неё.

Утро началось рано. Восьми часов ещё не было, дети перебудили всех. Взрослые – хмурые и не выспавшиеся передвигались по дому машинально, словно роботы. Лениво позавтракали остатками вчерашнего ужина, снова завели вчерашний разговор.

– Надо бы объявление дать о пропаже ребёнка в газету и на телевидение, – предложил Антон.

– Нет. – Категорично отверг его предложение Кирилл. – Этого мы делать не будем.

– Почему? Это же шанс! Вдруг кто-то видел Макара...

– Есть на то объективные причины, – возразил Кирилл. – Рита, ты понимаешь?

Рита мало что понимала. Казалось, весь её опыт работы в полиции разрушился пришедшей внезапно бедой. Стольким она помогала в горе, но перед собственным оказалась бессильна. На вопрос Кирилла она пожалала плечами и отрицательно покачала головой.

– Объясню, – хмуро усмехнулся Кир. – Объявление о розыске только спугнёт похитителя, он может сорваться с места, увезти мальчика... да хоть за границу. Потом ищи его... Нам другое нужно.

– Что именно? – заинтересовалась Лиза.

– Надо пустить слух, что за исчезновением ребёнка стоят родители, – и, не обратив внимания на вскочившего с места Антона, продолжил. – Это усыпит бдительность похитителя. Скажем... Пустить репортаж по местному телевидению, а это, в принципе, я сделать смогу, институтские связи остались, о том, что пропал ребёнок, подозревают родителей и с обоих взята подписка о невыезде.

– Но ведь кто-то мог что-то видеть! – возразил Антон. – Вдруг свидетели найдутся?

– Не найдутся. Будут звонить совершенно левые граждане, в надежде получить вознаграждение. Таких предприимчивых, готовых на чужом несчастье наживаться, пруд пруди, им плевать на ваше горе. И будете вы метаться по адресам, вновь и вновь теряя надежду. А ещё

будут звонить люди, утверждать, что ребёнок у них, требовать деньги. Большие деньги. Вы в долги влезете, заплатите неизвестно кому, но ребёнка вам, разумеется, не вернут, просто потому, что у них его нет.

– Тут ты, конечно, прав, – нехотя признал Антон. – Звонков будет – хоть отбавляй. Люди злые, кто-то чисто из вредности звонить будет. Но репортаж с информацией, что якобы подозревают родителей... Кир, ты не находишь, что это слишком?

– Так ведь не всерьёз же..., – грустно улыбнулся Кирилл. – Мы-то знаем, что вы не причём, а похитителю это поможет расслабиться, бдительность потерять. Вроде как и не ищут ребёнка, а значит, и не найдут.

– Ну ладно, уболтал. А мы-то что предпримем?

– Тут подумать надо. Я сегодня с Глебом созвонюсь, попытаемся, если он, конечно, не в командировке, выйти на всех колдунов в нашем городе и области, а там... Я понимаю, Тош, что вы торопитесь, но тут продумать всё тщательно нужно. Такие дела сгоряча не делаются. Спугнуть можно. И ещё... Вы на эмоциях, дров можете наломать. Давай договоримся, все действия ты согласовываешь со мной.

Антон, не ответив, кивнул.

Звонить другу при всех Кирилл не стал, дождался, пока собрались, распрощались с Егором, клятвенно пообещав держать того в курсе событий, тронулись в путь, и лишь тогда, откинувшись на пассажирском сиденье, Кирилл достал телефон. Проведя вчерашний день за рулём и выпив вечером, сегодня управлять автомобилем он не рискнул, доверив место рулевого жене.

Глеб будто ждал его звонка, откликнулся сразу.

– Привет, Кирюха! – забасил он в трубку. – Вот только-только сам собирался тебе звонить, у нас, как обычно, мысли совпадают.

– Здорово, Глеб! Ты где сейчас? Дома или в командировке?

– Да какой там... – в голосе Глеба слышалась досада. – Я ж в госпитале с ранением провалялся. Я звонил тебе, а ты вне зоны был.

– Утопил телефон в море. Вот только вчера номер восстановил...

– Бывает! Как сам?

– Сам нормально, ты как?

– Да уже в норме. Вот только командировки мои закончились уже навсегда. Но об этом после... По голосу слышу, что-то у тебя случилось. Я прав?

– Да. У Лизиного брата сынишку похитили.

– Да ладно! За выкуп?

– В том-то и дело, что нет... там мутная история. Ты дома?

– В пути. Буду к вечеру.

– Состыковаться надо, обсудить.

– Заеду к вам. Прямо сегодня.

– Я могу рассчитывать на тебя? Журналист, это ведь почти то же самое, что сыщик...

– Разумеется, Кир.

– Тогда до связи. Ждём тебя.

– Давай. Лизе с Полинкой привет.

10

Яся медленно шла по рынку, смакуя, пробуя на вкус разнообразные запахи. Глупо, конечно, запахами, какими бы аппетитными они не были, сыт не будешь, но девочка упорно не хотела уходить отсюда. Да и куда идти? Три дня продолжается её бродяжничество, и всё это время девочка почти ничего не ела. Нет, вчера ей достался целый чебурек, подвыпивший мужичок, перекусывающий возле палатки, сжалился, заметив девочку, угостил, а пока она ела, жадно впиваясь зубами в румяный бок печева, всё головой качал, мол, надо же, в наше время ещё существуют беспризорные дети.

Девочка хотела возразить, сказать, что не беспризорная, потом подумала, рассудила, что он прав. Кому она теперь нужна? Отца своего никогда не знала, мама на её вопросы больше отмалчивалась. Спасибо хоть, не врала, как многие родительницы, не отправляла папу в космос или на войну, сказала однажды, когда Яся одолела расспросами, что нет его, и никогда не было, жёстко сказала, вопросы задавать расхотелось. Ну а как же не было? Яся понимает, не маленькая уже, что дети случаются, когда есть мужчина и женщина, выходит, есть он, тот, кого ей не довелось называть папой, вот только не найти его, да и вряд ли она ему нужна... А мама... Девочка всхлипнула, мужичок, качая головой, пододвинул к ней стаканчик горячего и очень сладкого, как оказалось, чая, жалостливо погладил её по голове и, понурился плечи, отправился восвояси...

Но это было вчера. Это было так давно, что Яся уже и не помнила. А сегодня... живот сводило от голода, голова кружилась от избытка запахов рынка, и Яся шла, изредка смахивая со щёк редкие слезинки. Мысли в голове бродили разные. Скоро лето, протянет как-нибудь, не замёрзнет, ведь есть уже опыт, две ночи подряд ночевала в подъездах. С питанием дела обстоят куда как хуже. Воровать девочка не умеет. Попыталась с утра стянуть с лотка ватрушку, да не вышло, неловкие пальцы выронили сдобу в грязь, торговка раскричалась, благо, не на девочку, ей показалось, что спихнул ватрушку в грязь пробегающий мимо лотка парень. И Ясе не оставалось ничего другого, как, глотая подступившие слёзы, поспешно уйти.

Сегодня заметно потеплело, Яся стянула с головы шапку, сунула её в карман распахнутой курточки, снова, в который раз за долгий день, двинулась вдоль торговых рядов. И тут... О счастье! С лотка, где горкой были уложены красивые румяные яблоки, скатилось одно, незамеченное торговцем и подкатилось прямо к Ясиным ногам. Девочка поспешно наклонилась, цапнула с грязного асфальта сбежавший фрукт, подняла глаза и увидела перед собой стайку детей. Их было шестеро. Разновозрастные, грязные, одетые в немыслимое тряпье – они стояли прямо перед ней и смотрели. И взгляды их, взгляды одичавших зверьков не сулили ничего хорошего.

– Отдай! – потребовал самый младший – мальчишка лет семи в грязном пуховике, достаем почти до колен. Пух из пуховика давно уже повылезал, остатки его торчали из всех швов, отчего мальчик становился похожим на пресловутое чудо в перьях. Яся не испугалась их – таких одинаковых и обезличенных, хихикнула даже пришедшему на ум сравнению, тут люди кругом, неужто позволят им безобразничать? Но торговцы за прилавками лишь отводили глаза, или же зорко следили за товаром, а ну как шпане воровать приспичит. А тут самый старший мальчик шагнул вперёд, процедил сквозь зубы:

– Куртку снимай! Не то хуже будет!

Яся отрицательно покачала головой и, прыжком развернувшись, бросилась бежать прочь от рынка и наглых беспризорников. Все шестеро снялись с места, кинулись за ней. Добыча уж больно лакомая: беззащитная девочка в хорошей и явно дорогой одежде. Мама не жалела денег на Ясю, одевала дочь хорошо. Красная курточка и в тон ей лаковые сапожки привлекали внимание, хоть плачь. И не убежать, не скрыться, так и будет маячить перед преследователями ярким пятном. Яся не знала рынка, и местной шпане ничего не стоило загнать её в тупик за павильонами. Она стояла, прислонившись к бетонной стене, и понимала, что сейчас лишится не только яблока, случайно попавшего в руки, но и тёплой куртки и, скорее всего, любимых сапожек.

Они подходили. Их было уже четверо, самые младшие, не выдержав гонки, отстали, но старший мальчик, по виду ровесник, уже был совсем рядом, буквально в двух шагах. Он шел к ней с видом победителя и улыбался, а она... защищаясь, Яся выставила вперёд руки, ладонями к мальчику и... он вдруг поскользнулся, шмякнулся на пятую точку, успев лишь чертыхнуться.

– Что за... – бормотал он, глядя на чистый асфальт. Ни ледяной корки, ни банановой кожуры или раздавленных фруктов на асфальте не было, на чём же он поскользнулся?

Яся и сама понять не могла, а он поднялся, отряхнул грязными руками штаны, поднял внимательные глаза на девочку.

– Это ты сделала?

Она отрицательно замотала головой, но мальчик не поверил.

– Это ты сделала! – резюмировал он.

– Я не...

– Ты ведьма? – не слушая, спросил он.

– Да нет же!

– Но я почувствовал, что меня толкнули!

– Я не толкала тебя!

Он смотрел, не отрываясь, будто решая, что делать с ней, вздохнул, поскрёб грязными ногтями затылок, отчего невымытые вихры встали дыбом.

– Идём с нами, – решил беспризорник.

– Нет, я лучше домой, – едва слышно прошептала Яся. – Меня... мама ждёт.

– Идём, я сказал! Нет у тебя дома, и мамы тоже нет. Да не бойсь ты, не тронем. И вещички, так и быть, при тебе оставим...

– Зачем тогда? Зачем мне с вами идти?

– Тебе ночевать есть где? – смягчился мальчик.

– Нет.

– Как зовут?

– Яся.

– Почему с дома утекла?

– Маму убили. Я убежала...

– Ясно. Идём. Мы в заброшенном доме живём, там печку топим... тепло. А завтра... решишь, куда тебе податься.

– Спасибо... – девочка не верила ни единому слову, но отчаяние и безысходность заставили её довериться странному парнишке, пойти следом за ним в обещанное тепло.

– Я Колян, – представился мальчик, пока они шли. Его ватага тем временем шныряла между торговыми рядами, хватая проворными, грязными лапками всё, что плохо лежит. Впрочем, что хорошо лежит, они тоже хватали, недаром заголосил кто-то в толпе о пропаже кошелька, но Ясю это уже не волновало. Она устала. Так бывает после пережитого испуга, девочке хотелось прилечь, закрыть глаза и спать, спать... Даже голод, терзающий её, несколько притупился.

Они шли по улицам незнакомого Ясе города, впереди они с Коляном, чуть поодаль вся его гоп-компания. Колян что-то рассказывал, ребята тихо переговаривались, но Яся не прислушивалась, ей было всё равно. Усталость навалилась тяжёлым покрывалом, глаза слипались, и девочка уже не задумывалась о своей судьбе. Куда её ведут, что с ней будет... Не всё ли равно? Мамы больше нет, позаботиться о ней некому, а самостоятельная жизнь как-то не задалась. Вот заведут её сейчас куда-нибудь, отнимут одежду и... хорошо если живой оставят, но и это сейчас не пугало Ясю. Будь что будет. И она покорно шагала рядом с Коляном.

Мальчик очень хорошо понимал, что чувствует сейчас эта маленькая принцесса, разодетая, как с картинки. Не так давно и у него была другая жизнь, и он точно так же, как она, оказался вдруг на обочине этой самой жизни, узнал её совсем с другой стороны. Улица быстро обтесала его, научила выживать по неписанным законам стаи, он приспособился, понимая, что другой жизни уже не будет, а вот девочка приспособится вряд ли.

– Устала? – участливо поинтересовался он.

– Да, – просто ответила Яся. К чему скрывать очевидное, тем более и довериться ей больше некому, только этому, едва знакомому парню.

– На вот... – смущаясь, он выудил из внутреннего кармана куртки чурчелу, стряхнул с неё налипшие табачные крошки, протянул девочке. – Погрызи, а то нам ещё долго идти.

– Спасибо! – девочка с благодарностью приняла угощение. Она никогда не ела ничего подобного, видела, конечно, на рынке, но вид восточного лакомства не вызывал желания попробовать, а сейчас откусила кусочек и зажмурилась от наслаждения. – Вкусно!

– Ещё бы, – хмыкнул Колян.

– Ой, а ты? – спохватилась Яся.

– Я не голодный, а это так... баловство.

– Послушай, Коля... – проявила интерес к мальчику Яся. – А ты ведь не всегда жил на улице, так?

Он в ответ лишь кивнул молчаливо, склонил голову, будто выискивая что-то на грязном асфальте.

– Прости! Я, кажется, затронула что-то личное...

– Да чего уж... – шмыгнув носом, отмахнулся он. – Я тоже остался один. Квартиру родителей отобрали, меня в детдом отправили. А я не прижился там. Год уже на улице...

– Неужели на улице лучше, чем в детдоме?! – изумилась Яся.

– А-то! Я сам себе хозяин. Себе и... им вот. Они малые все, не бросишь так просто.

– Воруете?

– А как иначе? Жизнь такая! – философски усмехнулся он.

Яся ужаснулась. Неужели и её будущее вскоре станет таким же?! Грязь, улица, настоженные взгляды прохожих, норовящих обойти пёструю ватагу как можно быстрее, брезгливость рыночных торговцев, их цепкий пригляд за вверенным товаром, гневные выкрики и ругань вслед – неужели и такая жизнь тоже имеет место быть?! Раньше девочка даже не задумывалась о тех, кто стоит на самых нижних ступенях социальной лестницы, а теперь, выходит, ей самой придётся окунуться в нищету. И что делать с этим Яся понятия не имела. Ей отчаянно хотелось вернуть прежнюю жизнь, она понимала уже сейчас – жить беспризорницей не сможет.

Завтра. Яся обо всём подумает завтра, и, быть может, сумеет найти выход из сложившейся ситуации. Если будет оно, это завтра. А с другой стороны, стал бы мальчишка делиться с ней лакомством, если планировал заманить и обокрасть. Глупо.

– Ты не сможешь так жить, – будто прочитав её мысли, вздохнул Колян. – Такие как ты, не привыкают.

– И что же? – всхлипнула Яся.

– Погибают, – жёстко ответил мальчик. – И очень быстро. Но ты не переживай. Я обязательно что-нибудь придумаю, а пока поживёшь с нами.

Только сейчас Яся заметила, что город остался позади, и идут они по асфальтированным дорожкам лесопарка.

– Куда мы? – с опаской огляделась она.

– Домой. В чаще дом стоит полуразрушенный, вот в нём-то мы и живём. А что, неплохо, – защищая своё жилище, затараторил мальчик. – Электричества, конечно, нет, зато печь есть. Мы топим её, у нас тепло. Готовим тоже на печи. Она коптит маленько, но это не страшно...

В глубине парка действительно обнаружился старый-старый, выросший забитыми окнами в землю, покосившийся дом. Вид он имел совсем нежилой, но из железной трубы пробивался дымок, и в щелях между заколоченными ставнями то и дело мелькал неясный огонёк.

– Лампа керосиновая, – пояснил Колян. – Мы её редко используем, чаще свечи, керосин тяжело доставать...

Яся кивнула, прикусив язык, а ведь чуть не ляпнула, что свечей-то всегда в магазине наворовать можно. Не стоит обижать мальчишку, он единственный, кто хоть в малости сумел помочь ей.

Дом, такой невзрачный снаружи, изнутри оказался и вовсе бомжатником. Прокопчённые бревенчатые стены, кое-где забитые старыми засаленными одеялами, дыры в полу, свалка какого-то тряпья в дальнем углу, лежанки, сооружённые из картона, последние валялись хаотично, и их было так много, что пройти от двери к дальней стене казалось проблематичным. И это лишь то, что удалось рассмотреть Ясе в тусклом свете керосиновой лампы. А запах! От вони резало глаза, хотелось опрометью броситься на улицу, но в дверях, загораживая дверной проём, маячил Колян.

– Ох... – вырвалось у Яси.

– Что? Не понравилось?! – неожиданно обозлился мальчик. – И мне не нравится, но предложить тебе, барыня, ложе царское, я не могу. Хочешь, можешь уйти прямо сейчас, никто тебя здесь не держит.

Еле сдерживая слёзы, Яся мотнула головой.

– Нет, Коль. Спасибо тебе и извини... Просто...

– Да ладно, – грубо перебил он, – Что ж я не понимаю? Ты это... устраивайся что ли...

Народ подтянется, ужинать будем.

Я ся кивнула. Возникло подозрение, что в этом гадюшнике есть она не сможет, пусть и голодна сильно. Она присела на картонку, прислонившись спиной к жаркому боку печки, закрыла глаза и тут же заснула. Кто-то ходил туда-сюда, смеялся, кричал, стучали ложки, царская дница походных мисок, кто-то, кажется Колян, долго тряс Ясю за плечо...

11

1870 год

А и не было никакого повода! Сама всё выдумала! Нет власти у старухи над девочкой!

Василиса спокойно шла по лесу следом за неугомонной сестрицей, а та, знай себе, болтала, пересказывая все деревенские новости и сплетни. Вполуха слушала Ася, невпопад отвечала, а сама всё думала, а что если... Не вернуться и всё тут! Ну в самом-то деле, не примчится же старуха за ней в деревню, она уж много лет из леса не выходит. Вот только не осмелится она, не сможет, за родных боится так, что каждый день адом казаться станет. Каждую минуту от судьбы подвоха ждать будет Ася, и если вдруг случится что, простить себе не сможет.

Вот и остался позади хмурый, насквозь промокший лес, показалась знакомая калитка. Дом. Самое лучшее слово! Ася остановилась, окидывая взглядом родные места, шумно втянула холодный сырой воздух и, раскинув в стороны руки, будто обнимая необъятное низкое небо, рассмеялась, глядя на сестру счастливыми глазами.

– Вот я и дома, Заинька! Как хорошо!

С подозрением покосилась на неё Зойка, нахмурилась, обдумывая вопрос, готовый сорваться с языка, покусала кончик косынки. Ася догадалась, о чём спросить хочет, но спорить и доказывать что-то не было сил, да и не хотелось омрачать ненужными разговорами долгожданную и такую короткую встречу. И Ася опередила: покачала головой, обняла сестрицу, рассмеялась снова, вытащила мокрую завязку у девочки изо рта, а потом вдруг сказала очень серьёзно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.